

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

ФЛАГГИ

СТИХИ

„ЧИСЛА“

ПАРИЖЪ

1931

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

Вячеславу Иванову

съ безграничнымъ восхищениемъ
и уважениемъ Борисъ Поплавскій

ФЛАГЪ

Стихи

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЧИСЛА“

ПАРИЖЪ

1931

**Настоящая книга отпечатана въ
типографіи В. Бейлинсонъ,
въ Талиннѣ (Эстоніи)
1930.**

О Р Л Ы

Я помню лаковыя крылья экипажа,
Молчаніе и ложь. Лети, закатъ, лети.
Такъ Христофоръ Колумбъ скрывалъ отъ экипажа
Величину пройденнаго пути.

Была кривая кучера спина
Окружена оранжевою славой.
Вилась подъ твердой шляпой сѣдина
А сзади мы, какъ бы орель двуглавый.

Смотрю, глаза отъ солнца увернувъ;
Оно въ нихъ всежъ еще летаетъ множась
Напудренный и равнодушный клювъ
Грозить прохожимъ, что моргаютъ ежась.

Ты мнѣ грозила восемнадцать дней,
На девятнадцатый смягчилась и поблекла.
Закатъ оставилъ наигравшись стекла,
И стало вдругъ замѣтно холоднѣй.

Осенній дымъ взошелъ надъ экипажемъ,
Гдѣ наше счастье медлило сойти,
Но капитанъ скрывалъ отъ экипажа
Величину пройденнаго пути.

1923

ПРЕВРАЩЕНІЕ ВЪ КАМЕНЬ

Мы вышли. Но вѣсы невольно опускались.
О, сумерковъ холодные вѣсы,
Скользили мимо снѣжные часы
Кружились на камняхъ и исчезали.

На островъ не двигались дома,
И холодъ плыль торжественно надъ валомъ.
Была зима. Невѣрящій Оома
Персты держалъ въ ея закатъ аломъ.

Вы на снѣгу слѣды отъ каблука
Проткнули зонтикомъ, какъ лезвіемъ кинжала,
Моя жъ лиловая и твердая рука
Какъ каменная на скамьѣ лежала.

Зима плыла надъ городомъ туда
Гдѣ мы ее, увы, еще не ждали,
Какъ небо, многіе вмѣщая города
Неудержимо далѣе и далѣ.

*

„Какъ холодны общественныя воды,
Сказали Вы, и посмотрѣли внизъ.
Летѣль туманъ за наменный карнизъ
Гдѣ грохотали мерзлыя подводы.

Надъ крышами синѣль четвертый часъ,
Спустились мы на мостовой морэны,
Казалось мнѣ: я закричу сейчасъ
Какъ эти пароходныя сирены.

Но дальше шель и веселилъ Тебя,
Такъ осужденные смѣются съ палачами,
И замолкалъ спокойно за плечами
Трамвая конь, что подлеталъ трубя.

Мы разставались; вѣдь не вѣчно намъ
Стыдиться близости уже давно прошедшей,
Какъ осени по набережной шедшей
Не возвратиться по своимъ слѣдамъ.

ОТВРАЩЕНІЕ

Душа въ пріютѣ для глухонѣмыхъ
Воспитывалась, но порокъ излѣченъ;
Она идетъ прощаясь съ каждымъ встрѣчнымъ
Среди больничныхъ корпусовъ прямыхъ.
Сурово къ незнакомому ребенку.
Мать повернула черныя глаза
Когда усѣвшись на углу на конку
Они поѣхали съ вѣщами на вокзалъ;
И сколько разъ она съ тѣхъ поръ хотѣла
Вновь онѣмѣть или оглохнуть вновь,
Когда стрѣла смертельная летѣла
Ей слишкомъ хорошо понятныхъ словъ.
Или хотя бы поступить на службу
Въ сей вышеупомянутый пріютъ,
Чтобъ словъ не слышать непристойныхъ дружбы
И словъ любви столь говорливой тутъ.

1923.

ВЪ ВѢНКѢ ИЗЪ ВОСКА

Александрѹ Браславскому.

Мы бережемъ свой ласковый досугъ
И отъ надежды прячемся безспорно.
Поютъ, деревья голыя въ лѣсу
И городъ, какъ огромная волторна.

Какъ сладостно шутить передъ концомъ
Объ этомъ знаетъ первый и послѣдній.
Вѣдь исчезаетъ человѣкъ безслѣднѣй,
Чѣмъ лицедѣй съ божественнымъ лицомъ.

Прозрачный вѣтеръ неумѣло вторитъ
Словамъ твоимъ. А вотъ и снѣгъ. Умри.
Кто смѣетъ съ вечеромъ безславнымъ спорить,
Остерегать безмолвіе зори.

Кружить октябрь, какъ бѣлесый ястребъ
На небѣ перья сѣрыя его.
Но высѣченная изъ алебастра
Овца души не видитъ ничего.

Холодный праздникъ убываетъ вяло
Туманъ идетъ на гору и съ горы
Я помню, смерть мнѣ въ младости пѣвала:
Не дожидайся роковой поры.

1924

НЕПОДВИЖНОСТЬ

День вѣтренный посредственно высокъ,
Посредственно безлюдень и воздушенъ.
Я вижу въ зеркалѣ наслѣдственный високъ
Съ кружаломъ вены и пиджакъ тщедушный.

Смертельны мнѣ сердечныя болѣзни,
Шумъ крови повышающійся—смерть.
Но имъ сопротивляться бесполезнѣй
Чѣмъ заграждать ползучій сей четвергъ.

Покачиваясь, воздухъ надо мной.
Стекаетъ безъ опредѣленной цѣли,
Подъ видимою среди дня луной
У безпощадной скуки на прицѣлѣ.

И вѣтеръ отускается въ каминъ,
Какъ водолазъ въ затопленное судно
Въ немъ видя, что утопленникъ одинъ
Въ пустую воду смотритъ безразсудно.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Колечки дней пускаетъ злой курильщикъ,
Свисаетъ дымъ безсильно съ потолка:
Онъ можетъ быть кутила иль могильщикъ
Или солдатъ заѣзжаго полка.

Искусство безразсудное плѣняетъ
Мой лѣнный умъ, и я давай курить,
Но вдругъ онъ въ воздухъ густомъ линияетъ.
И анъ на креслѣ трубка лишь горитъ.

Плыветъ, плыветъ табачная страна
Подъ солнцемъ небольшого абажура
Я счастливъ безъ конца по временамъ,
По временамъ крехтя себя пожурю.

Пріятно строить дымовую твердь.
Безславное завоеванье это.
Весна плыветъ, весна сползаетъ въ лѣто,
Жизнь пятится неосторожно въ смерть.

ДВОЕЦАРСТВІЕ

Юрію Роголъ-Левицкому.

Сабля смерти свиститъ во мглѣ,
Рубитъ головы наши и души.
Рубитъ паръ на зеркальномъ стеклѣ,
Наше прошлое и наше грядущее.

И ѣдятъ копошашійся мозгъ
Воробы озорныхъ сновидѣній.
И отъ солнечнаго привидѣнья
Онъ стекаетъ на землю какъ воскъ.

Кровью черной и кровью бѣлой
Истекаетъ ущербный сосудъ.
И на двухъ катафалкахъ везутъ
Половины неравныя тѣла.

И на кладбищахъ двухъ погребенъ
Ухожу я подъ землю и въ небо.
И свершаютъ двѣ разныя требы
Двѣ богини въ кого я влюбленъ.

1924

ПОКУШЕНІЕ СЪ НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Ильъ Зданевичу.

Вѣнокъ сонетовъ мнѣ поможетъ жить,
Тотчасъ пишу, но не вѣрна подмога,
Какъ быстро оползаетъ берегъ лога.
Отъ локтя дрожь на писчій листъ бѣжитъ.

Пуста души медвѣжая берлога
Бутылка въ ней, газетный листъ лежитъ.
Въ звѣринцѣ городскомъ, какъ вѣчный жидъ
Хозяинъ ходитъ у протовъ острога.

Такъ наша жизнь, на потѣшенье вѣка,
Могуществомъ превыше чловѣка,
Погружена въ узилищѣ судьбы.

Лишь пять шаговъ оставлено для бѣга,
Пять ямбовъ, словъ мучительная нѣга
Не забывалъ свободу звѣрь дабы.

1925

ВЪ БОРЬБѢ СО СНѢГОМЪ

Надъ бѣлымъ домомъ бѣлый снѣгъ едва,
Едва шуршитъ иль кажется что бѣлый,
Я приходилъ въ два, два, и два, и два
Не заставалъ. Но застывалъ. Что дѣлать!

Се словъ игра могла сломать осла,
Но я осель желѣзный, я желе
Жалѣль всегда, желѣль, но анъ ослабъ
Но ахъ еще! Пожалуй пожалѣй!

Не помню. О припомни! Нѣтъ умру,
Растаетъ снѣгъ. Домъ канетъ бесполезно,
Подъемная машина рвется въ бездну
Ночь мчится къ утру. Гибель по утру.

Но снова я звоню въ парадный ходъ
Меня встрѣчаютъ. Вѣра, чаю! чаю
Что кончится мой ледяной походъ,
Но Ты мертва. Давно мертва!.. Скучаю.

АРМЕЙСКІЕ СТАНСЫ

Александрю Гингеру.

Какъ въ зеркало при воротахъ казармы
Гдѣ исходящій смотрится солдатъ,
Свои мы въ Богѣ обозрѣли бармы
И повернули медленно назадъ.

Добротолюбие—полевой уставъ
Извѣстенъ намъ. Но въ караульной службѣ
Стояли мы, и анъ легли, уставъ.
Насъ выдало врагамъ безумье дружбы.

Проходимъ мы, парадъ проходитъ плѣнныхъ,
Подошвою бѣя о твердый снѣгъ.
По широтамъ и долготамъ вселенной
Мы маршируемъ; можетъ быть во снѣ.

Но вотъ стучать орудія вдали,
Трясутся санитарныя повозки,
И на дорогѣ, какъ на мягкомъ воскѣ,
Видны таинственныя колеи.

Вздыхаетъ дождь, какъ ломовая лошадь.
На небесахъ блестятъ ея бока,
Чьи это слезы? Мы идемъ въ калошахъ.
Прощай запасъ, уходимъ мы. Пока.

Идутъ намъ въ слѣдъ не въ ногу облака.
Такъ хорошо! Уже не будетъ плоше.

1925.

ДОЖДЬ

Владиміру Свѣшникову.

Вздучался тентъ, какъ полосатый парусъ
Изъ церкви выходилъ сонливый людъ,
Нивѣсть почто входилъ вдругъ вѣтеръ въ ярость
И затихалъ. Онъ самодуръ и плутъ.

Вокругъ же насъ, какъ въ неземномъ саду,
Раскачивались лавры въ круглыхъ кадкахъ,
И громко, но необъяснимо сладко
Пѣлъ грамофонъ, какъ бы Орфей въ аду.

„Мой бѣдный другъ, живи на четверть жизни
Достаточно и четверти надеждъ.
За преступленье четверть укоризны
И четверть страха предъ закрытѣмъ вѣждъ.

Я такъ хочу, я произвольно счастливъ,
Я произвольно черный свѣтъ во мглѣ,
Отказываюсь отъ всякаго участія
Отказываюсь жить на сей землѣ.

Уже былъ вечеръ въ глубинѣ трактира,
Гдѣ чахли мы подобные цвѣтамъ.
Лучи всходили на вершину міра
И улыбаясь умирали тамъ.

По временамъ казалось дождь проходитъ.
Не помню кто изъ насъ безмолвно всталъ
И долго слушалъ, какъ звонокъ у входа
Въ кинематографъ первый стрекоталъ.

1925—1929

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

Михаилу Ларионову.

Снижался день, онъ безконечно чахъ,
И перстъ дождя вертѣль прозрачный глобусъ.
Богъ звалъ меня, но я не отвѣчалъ.
Стѣснялись мы и проклинали робость.

Раскланялись. Разстались. А разъ такъ,
Я въ клубъ иду: чертей ищи гдѣ карты
Нашель, знакомлюсь чопорно, простакъ,
А онъ въ отвѣтъ: Я знаю Васъ отъ парты.

Вы помните, когда въ холодный день
Ходили вы за городомъ на лыжахъ,
Разсказывалъ какую дребедень
Я, гувернеръ курчавый изъ Парижа.

Когда жъ въ трамвай сѣдѣли вы во снѣ,
Прижавъ къ груди тетрадь безъ промокашки,
Кондукторъ, я не требовалъ билетъ,
Злорадствуя подъ синею фуражкой.

Когда же въ паркѣ, съ дѣвою одинъ,
Молчали вы и медленно краснѣли,
Сѣдѣлъ рядомъ щуплый господинъ
Въ застегнутой чиновничьей шинели.

Иль въ мертвый часъ, когда ни пьянъ, ни трезвъ,
Сквозь холодъ утра ѣдетъ полуночникъ,
Къ вамъ съ грохотомъ летѣлъ на перерѣзъ
Съ невозмутимымъ сѣдокомъ извозчикъ.

АНГЕЛЫ АДА

Алексю Арапову.

Мнѣ все равно, я вамъ скажу: я счастливъ.
Вдыхаетъ вѣтеръ надо мной: подлецъ.
И солнце безо всякаго участья
Обильно поливаетъ свѣтомъ лѣсъ.

Киты играютъ съ кораблями въ прятки.
А въ глубинѣ таится змѣй морской.
Трамваи на гору взлетаютъ безъ оглядки
И дверь стучитъ, какъ мертвецы доской.

А дни идутъ какъ бубны арестантовъ,
Туда гдѣ кладбище трефовое лежитъ
Сидятъ цари какъ толстые педанты
Валеты держатъ палки и ножи.

А дамы; какъ красивы эти дамы,
Одна съ платкомъ, сосѣдня съ цвѣткомъ.
А третья съ яблокомъ протянутымъ Адаму,
Застрявшимъ въ глоткѣ—нашимъ кадыкомъ.

Онѣ шурша приходятъ въ домъ колоды,
Онѣ киваютъ съ вѣера въ рукѣ.
Онѣ приносятъ роковыя моды
Обманъ и ядъ въ оранжевомъ чулкѣ.

Шумятъ билетовъ шелковые юбки.
И золото звенитъ какъ поцѣлуй.
Во мглѣ горятъ сигары, очи, трубки.
Вдругъ выстрѣлъ! какъ танцмейстеръ на балу.

Стулъ опрокинуть. Черви уползаютъ,
Преступникъ схваченъ въ ореолѣ пикъ,
А банкометъ подъ лампой продолжаетъ
Сдавать на мѣръ зеленый цвѣтъ и пыль.

1926

Иль въ безконечной улицѣ, гдѣ стукъ
Шаговъ барахтался на вилкѣ лунной,
Я шель навстрѣчу тихо, какъ въ лѣсу,
И рядомъ шель и шель кругомъ безшумно.

И въ мигъ, когда катящійся вагонъ
Вдругъ ускорялъ передъ лицомъ движенье,
Съ любимой рядомъ сквозь стекло оконъ
Лицо безъ всякаго глядѣло выраженья.

Лицомъ къ лицу и вновь къ лицу лицомъ,
До самой смерти и до смерти самой,
Подлецъ встрѣчается повсюду съ подлицомъ
Въ халатъ одѣтымъ или даже дамой.

Пока на грудь, и холодно и душно,
Не ляжетъ смерть, какъ женщина въ пальто,
И не раздавить розовымъ авто
Шоферъ - архангелъ гада равнодушно.

БОРЬБА СО СНОМЪ

Анъ по небу летаетъ корова
И собачки на крылышкахъ легкихъ.
Мы явились въ половинѣ второго
И вздохнули всей емкостью легкихъ.

Ой, какъ велосипедисты быстро
Подъ окномъ пробѣгаютъ дни—
Лишь мы оба, что знаки регистра
Бдимъ случайности во внѣ одни.

Понижаясь и повышаясь
Пальцы нотъ шевелятся достать насъ: о крючья!
Ты скрипичная выше, рогатка кривая,
Ниже я круглый басовый ключъ.

Ноты разны, какъ ноты разны государствъ,
Но судьба утомилась сидѣть за роялюю.
Вотъ тетрадка захлопнулась: баць! безъ вреда.
Въ темнотѣ мы заснули въ ночи бореальной.

Электрической лампы полуночное солнце
Лишь скользитъ вдоль страницы, бѣлесой какъ снѣгъ.
Вижу сонъ: мы пюпитръ покинули, сонъ!
Мы одѣлись какъ люди, Вотъ мы вышли, Насъ нѣтъ.

Только пара шаговъ межъ скрипичнымъ и басовымъ,
Но линейка бѣжитъ въ ресторанъ. Анъ стѣна.
Чтожъ, какъ дачны сосѣди, поболтаемъ черезъ изгородь, ба!
Недоступны и близки на ощупь какъ истина.

ПОДРАЖАНІЕ ЖУКОВСКОМУ

Обнаженная дѣва приходитъ и тонетъ,
Невозможное древо вздыхаетъ въ хитонѣ.

Онъ сошелъ въ голубую долину стакана
Огнедышащій поѣздъ, подъ ледникъ и кануль.

Синій міръ водяной неопасно ползетъ,
Тихій волю ледяной удила не грызетъ.

Безвозмѣдно летаетъ опаснѣйшій сонъ.
Восхищенъ фіолетовъ и сладостенъ онъ.

Подходи, приходи, неестественный врагъ
Безвозвратный и сонный товарищъ мой ракъ.

Раздавайся далекій, но явственный шумъ.
Подъ который нѣжнѣйшій медвѣдь я пляшу.

Отступаетъ поспѣшно большая стѣна
И подобно змѣѣ уползаетъ она.

Но сей міръ всёжъ, какъ палецъ въ огромномъ кольцѣ
Иль какъ круглая шляпа на подлецѣ.

Иль какъ дѣва что медленно входитъ и тонетъ,
Тамъ гдѣ древо горько вздыхаетъ въ хитонѣ.

ВЕСНА ВЪ АДУ

Георгу фонъ Гуку.

Это было въ тотъ вечеръ, въ тотъ вечеръ.
Дома закипали какъ чайники.
Изъ оконъ рвалось клокотанье любви.
И „любовь не картошка“
И „твои обнаженные плечи“
Кружились въ паническомъ вальсѣ,
Летали и пѣли какъ львы.
Но вотъ грохнулъ подъѣздъ и залаялъ звонокъ.
Весна подымалась по лѣстницѣ молча.
И каждый вдругъ вспомнилъ что онъ одинокъ.
Кричалъ, одинокъ! задыхаясь отъ желчи.
И въ пѣни ночи и въ ревѣ утра,
Въ глухомъ клокотаніи вечера въ паркѣ,
Вставали умершіе годы съ одра
И одръ несли какъ почтовые марки.
Качалась, какъ море асфальта, рѣка
Взлетали и падали лодки моторовъ,
Акулы трамваевъ завидѣвъ врага
Пускали фонтаны въ ноздрю корридоровъ.
И было не страшно поднявшись на гребень
Нестись безъ оглядки на волнахъ толпы
И чувствовать гибель въ малиновомъ небѣ
И сладкую слабость и слабости пыль.
Въ тотъ вечеръ, въ тотъ вечеръ описанный въ книгахъ,
Намъ было не страшно галдѣть на вѣтру.
Строенья склонялись и полныя краковъ
Валились, какъ свѣже подкошенный трупъ.
И полные счастья, хотя безъ науки
Билъ крыльями воздухъ въ молочномъ окнѣ
Туда, гдѣ простерши безсмертныя руки
Кружилась весна какъ танцоръ на огнѣ.

ДОНЪ-КИХОТЪ

Сергѣю Шаршуну.

Надо мечтать! Восхищаться надо!
Надо сдаваться! не надо жить!
Потому что блеститъ на лунѣ колоннада,
Поютъ африканцы и пропеллеръ жужжитъ.

Подлетаетъ къ подъѣзду одеръ Донъ-Кихота
И надушенный Санчо на красномъ ослѣ.
И въ ночи возникаетъ, какъ стихъ, какъ икота:
Безпредметныя скачки, парадъ и балетъ.

Аплодируютъ руки оборванныхъ мельницъ
И торговки кричатъ голосами Мадоннъ,
И надъ крышами банковъ гарцуетъ бездѣльникъ,
Пляшетъ вѣжливый Фаустъ, святой Купидонъ.

И опять на сутуломъ горбу лошадиномъ.
Въ лунной оперѣ ночи онъ плачетъ, онъ спитъ.
А ко спящему тянутся руки ундины,
Льются сине-сиреневыхъ пальцевъ снопы,

На воздушныхъ качеляхъ, на реяхъ, на ниткахъ
Поднимается всадникъ, толстякъ и лошакъ,
И безстыдныя сыплются съ неба открытки
(А поэты кривятся во снѣ на тощакъ).

Но чернильнымъ ножемъ, косаремъ лиловатымъ,
Острый облакъ лунѣ отрубаетъ персты.
И сорвавшись, какъ клочья отравленной ваты
Скоморохи валятся черезъ ложный пустырь.

И съ размаху о ледъ ударяють копыта.
Останавливаются клячи дрожа.
Спитъ сиреневый полюсь, волшебникъ открытый,
Ледъ безсмертный, блестящій какъ бѣлый пиджакъ.

Въ отвратительной нѣгѣ прозрачныя скалы
Фиолетово таютъ подъ ложнымъ лучемъ,
А во льду спятъ замерзшія дѣвы акулы,
Шелковисто сіяя покатымъ плечемъ.

И острякъ путешественникъ, въ позѣ не гибкой,
Съ неподвижнымъ секстантомъ въ рукѣ голубсй,
Сузивъ мертвый зрачекъ, смотритъ въ небо съ улыбкой,
Будто Сѣверный Крестъ онъ увидѣлъ впервой.

И на бѣломъ снѣгу, какъ на мягкомъ диванѣ,
Легъ герой приключеній, разсѣлся денщикъ,
И казалось ему, что онъ въ мраморной ваннѣ
А кругомъ орхидеи и Африки шикъ.

А надъ спящимъ все небо гудѣло и выло,
Загорались огни, ползъ прожектора снапъ,
Тамъ летѣлъ дирижабль, чье блестящее рыло
Равнодушно вертѣлъ чисто выбритый снапъ.

И смотрѣли прекрасныя дамы сквозь окна
Какъ бѣжить по равнинѣ овальная тѣнь,
Хохотали моторы, грохотали монокли,
И вставалъ надъ пустыней промышленный день.

1926

*

Григорію Решоткину.

Отрицательный полюсъ молчитъ и сіяетъ.
Онъ ни съ кѣмъ не тягается, онъ океанъ.
Спитъ мертвецъ въ восхитительномъ синемъ покоѣ,
Возвращенный судьбой въ абсолютную ночь.

Съ головой опрокинутой къ черному небу,
Съ неподвижнымъ оскаломъ размытыхъ зубовъ,
Онъ уже не мечтаетъ о странахъ гдѣ не былъ,
Въ неподвижномъ стеклѣ абсолютно паря.

На такой глубинѣ умираетъ теченье
И слова заглушаютъ отъ нея въ далекѣ.
На такой глубинѣ, мы кончаемъ ученье,
Боевую повинность и матросскую жизнь.

Запѣваетъ машина въ электрической башнѣ.
И огромнымъ снопомъ вылетаетъ огонь.
И съ ~~огромными~~ ^{огромными} ртами, оглохшіе люди
Наклоняются къ счастью совмѣстно съ судномъ.

И прожекторъ ложится на плоскую воду.
И еще полминуты горитъ подъ водой.
Металлическій домъ, точно колоколь духовъ,
Опускается тихо звонить въ синевѣ.

И айсбергъ проплываетъ надъ мѣстомъ крушенья
Какъ Венера Милосская въ бѣломъ трико.

АСТРАЛЬНЫЙ МІРЪ

Ольгѣ Когань.

Очищается счастье отъ всякой надежды,
Черепичными крыльями машетъ нашъ домъ
И по птичьему ходитъ. Удивляйтесь, невѣжды,
Приходите къ намъ въ гости, когда мы уйдемъ.

На высокомъ балконѣ, надъ прошлымъ и будущимъ,
Мы сидимъ безъ жилетовъ и молча жуемъ.
Возникаетъ межъ звѣздъ пассажирское чудище,
Подлѣтаетъ. И мы улетаемъ вдвоемъ.

Воздухъ свистнулъ. Молчитъ безвоздушный прогонъ.
Вотъ земля провалилась въ чернильную лузу,
Застегните, механикъ, воздушную блузу.
Вотъ Венера, и мы покидаемъ вагонъ.

Безтолковъ этотъ міръ четырехъ величинъ.
Мы идемъ мы полземъ, мы взлетаемъ, мы дремлемъ;
Мы встрѣчаемъ скучающихъ дамъ и мужчинъ,
Мы живемъ и хотимъ возвратиться на землю.

Но таинственный міръ, какъ вода изъ подъ крана,
Насъ толкаетъ, и анъ, исчезаетъ сквозь пальцы.
Я бросаюсь къ Тебѣ, но шикарное зальце
Освѣщается, и я передъ бѣлымъ экраномъ.

Передъ синей водою, гдѣ круглая рыбы,
Передъ воздухомъ; вертится воздухъ, какъ шаръ.
И надъ нами какъ черныя айсберговъ глыбы
Ходятъ духи. Тамъ будетъ и Ваша душа.

Опускаются съ неба большіе лѣса.
И со свистомъ растутъ исполинскія травы.
Водопадомъ ужаснымъ катится роса
И кузнечикъ грохочетъ, какъ поѣздъ. Вы правы.

Намъ пора. Мы вздыхаемъ, страшимся и машемъ.
Мы кружимся какъ стрѣлка, какъ бѣлка въ часахъ.
Мы идемъ въ ресторанъ, гдѣ стоитъ на часахъ
Злой лакей, недовольный одеждою нашей.

И какъ свѣтлую и прекрасную розу
Мы закуриваемъ папиросу.

PEY SAGE D'ENFER

Георгію Шторму.

Вода клубилась и вздыхала глухо,
Вода летала надо мной во мглѣ,
Душа молчала на границѣ звука,
Какъ снѣгъ упасть рѣшившійся къ землѣ.

А въ синемъ морѣ, гдѣ ныряютъ птицы,
Гдѣ я плыву утопленникъ готовъ,
Купался долго вечеръ краснолицыи.
Средь водорослей городскихъ садовъ.

Переливались раковины крыши,
Сгибался поѣздъ, какъ морской червякъ.
А выше, то есть дальше, ближе, ниже.
Какъ рыба рыскалъ дирижабль чужакомъ.

Свѣтились чуть медузы облаковъ,
Оспариваемыя торопливой смертью.
Я важно шель походкой моряковъ
Къ другому борту корабля надъ твердью.

И было все на малой глубинѣ,
Куда еще доходить яркій свѣтъ.
Вотъ тонемъ мы, вотъ мы стоимъ на днѣ.
Намъ мѣдный грамофонъ поетъ привѣтъ.

На глубинѣ летающаго моря
Утопленники встрѣтились друзья.
И медленно струясь по плоскогорью
Ужъ новыхъ мертвецовъ несетъ заря.

Вода вздыхаетъ и клубится тихо,
Какъ жизнь, что Бога кроткая мечта.
И вѣтра шаръ несетъ полемъ лихо,
Чтобъ въ лузу пасть, какъ письма на почтамтъ.

1926

ЗВѢЗДНЫЙ АДЪ

Чу! подражая соловью поетъ
Безумная звѣзда надъ садомъ соннымъ.
Изъ дирижабля ангелы на ледъ
Сойдя молчать съ улыбкой благосклонной.

Въ тропическую ночь, надъ кораблемъ,
Она огнемъ зеленымъ загорѣлась.
И поблѣднѣлъ стоящій за рулемъ,
А пассажирка въ небо засмотрѣлась.

Блуждая въ звукахъ надъ горой зажглась,
Гдѣ спалъ стеклянный мальчикъ въ платѣ снѣжномъ,
Заплакалъ онъ не раскрывая глазъ,
И на зарѣ растаялъ дымомъ нѣжнымъ.

Казалось ей: она цвѣтетъ въ аду.
Она кружится на ночномъ балу.
Бумажною звѣздой на полу,
Она лежитъ среди разбитыхъ душъ.

И вдругъ проснулась; холодъ плылъ въ кустахъ,
Она сіяла на рукѣ Христа.

1926.

АРТУРУ РЕМБО

Никто не знаетъ
Который часъ
И не желаетъ
Во снѣ молчать.

Вагонъ лѣвѣетъ.
Поетъ свистокъ.
И розовѣетъ
Пустой востокъ.

О! Приснодѣва
Простите мнѣ
Я встрѣтилъ Еву
Въ чужой странѣ.

Слѣпилъ прохожихъ
Зеленый газъ.
Была похожа
Она на Васъ.

Галдѣль безъ толку
Кофэ-шантанъ,
И безъ умолку
Шипѣль фонтанъ.

Быль полонъ Лондонъ
Толпой шутовъ
И ѣхать въ Конго
Рэмбо готовъ.

Средь сальныхъ фраковъ
И кутерьмы
У блюда раковъ
Сидѣли мы.

Блестить колѣно
Его штановъ
А у Верлена
Быль красный носъ.

И вдругъ по сценѣ,
По головамъ,
Поднявъ колѣни,
Въѣзжаетъ къ намъ

Богиня Анна,
Добро во злѣ
Души желанный
Богъ на ослѣ.

О день забытый...
Съ посудой битой
Людей родня,
Осель копытомъ
Лягнулъ меня.

Но знакъ удара
Мнѣ не стереть
И отъ удава
Не улетѣть.

О дѣва, юный
Погибъ твой ликъ.
Твой полнолунный
Взошелъ двойникъ.

Небесъ богиня,
Ты развѣ былъ
Я даже имя
Твое забылъ.

Иду у крупа
Въ ноги блесой
Съ улыбкой трупа
И папирсой.

1926—1927

ЧЕРНАЯ МАДОННА

Вадиму Андрееву.

Синевѣли дни, сиреневѣли,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваяхъ люди соловѣли
Наклоняли головы святыя.

Головой счастливою качали.
Спаль асфальтъ, гдѣ полдень наслѣдилъ.
И казалось, въ воздухѣ, въ печали,
Поминутно поѣздъ отходилъ.

Загалдитъ народное гулянье.
Фонари грошевые на ниткахъ,
И на бѣдной, выбитой полянѣ
Умирать начнутъ кларнетъ и скрипка.

И еще разъ, передъ самымъ гробомъ,
Издадутъ, родятъ волшебный звукъ.
И заплачутъ музыканты въ оба
Чернымъ пивомъ изъ вспотѣвшихъ рукъ.

И тогда проѣдетъ безучастно,
Разопрѣвъ и празднику не рада,
Кавалерія, въ мундирахъ красныхъ,
Артиллерія назадъ съ парада.

И къ пыли, къ одеколону, къ поту,
Къ шуму вольтовой дуги надъ головой
Присоединится запахъ рвоты,
Фейерверка дымъ пороховой.

И услышитъ вдругъ юнецъ надменный
Съ необъятнымъ клешемъ на штанахъ
Счастья краткій выстрѣлъ, летъ мгновенный,
Лѣта красный мѣсяцъ на волнахъ.

Вдругъ возникнетъ на устахъ тромбона
Визгъ шаровъ крутящихся во мглѣ.
Дико вскрикнетъ черная Мадонна
Руки разметавъ въ смертельномъ снѣ.

И сквозь жаръ, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дымъ, гдѣ пѣлъ кларнетъ,
Запорхаетъ бѣлый, безпощадный
Снѣгъ идущій миллионы лѣтъ.

1927

DIABOLIQUE

Виктору Машченко.

Хохотали люди у коллоны,
Гдѣ луна стояла въ позѣ странной.
Вечеръ остро гахъ одеколономъ
Танцовщицами и рестораномъ,

Осень вкралась въ середину лѣта.
Надъ мостомъ листы оранжевѣли
И возили на возкахъ скелеты
Оранжады и оранжерей.

И въ прекрасной нисходящей гаммѣ
Жаръ храпѣлъ, на мостовой, на брюхѣ,
Наблюдалъ за женскими ногами,
Мазалъ пылью франтовскіе брюки.

Злились люди, и не загорая
Отдавались медленно удушью.
Къ вечеру пришла жара вторая,
Третью къ ночи ожидали души.

Но желанный сумракъ лиловатый
Отомкнулъ умы, разнялъ уста;
Засвисталъ юнецъ щеголеватый
Дѣвѣ безъ роговъ и безъ хвоста.

И въ лиловой аурѣ аурѣ,
Навсегда прелестна и ужасна.
Вышла въ небо Лаура Лаура
И за ней певѣцъ въ кальсонахъ красныхъ.

Глухо били черныя литавры,
Хоръ Эриній въ безднѣ отвѣчалъ,
А іюль какъ Фаустъ на кентаврѣ,
Мертвый жаръ во мракѣ расточалъ.

Но внезапное смятенъе духовъ,
Вѣтеръ садъ склоняетъ на колѣна,
Тихій смѣхъ рождается подъ ухомъ,
Надъ вокзаломъ возникаетъ глухо:

Королева ужасовъ Елена.

А за нею Аполлоны Трои,
Съ золотыми птицами въ рукахъ,
Вознеслись багровымъ ореоломъ,
Темнымъ слѣдомъ крови въ облакахъ.

А луна поетъ о снѣжномъ раѣ,
Колыхался тучъ чернильныхъ валь
И послѣдней фразою, играя
Громъ упалъ на черный арсеналь.

И въ внезапномъ плзмени летящемъ,
Какъ на раковинѣ розовой, она
Показалась намъ спокойно спящей,
Пѣною на золотыхъ волнахъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПАРАДЪ

Лидіи Харлампіевнѣ Пумпянской.

Лѣтній день былъ полонъ шумомъ счастья,
Молнія сверкала синей птицей.
Выѣзжали изъ пожарной части
Фантастическія колесницы.

А сквозь городъ подъ эскортомъ дѣтскимъ,
Подъ бравурный ревъ помятыхъ трубъ,
Проходила въ позахъ молодецкихъ
Лучшая изъ мюзикъ-хольныхъ труппъ.

На широкихъ спинахъ коней пѣгихъ
Балерины бѣлыя дремали.
И пустыя гири на телѣгахъ
Силачи съ улыбкой подымали,

Солнце грѣло вытертые плюши,
А въ тѣни пивныхъ смотрѣли рожи,
Ихъ большія розовыя души
Улыбались музыкѣ прохожей.

Былъ въ толпѣ красивый шелестъ яркій,
Блескъ весеннихъ праздничныхъ костюмовъ,
Пьяные кричали съ бѣлой арки.
Улыбался садъ, цвѣсти раздумавъ.
Ночь пришла, и клоуны явились.
Счастье жизни хохотало труппѣ
Музыканты-лошади кружились
Съ золотою стрекозой на крупѣ.

Но потомъ огонь блеснулъ въ проходѣ,
Львы взревѣли поднимаясь дыбомъ,
Какъ на океанскомъ пароходѣ
Люди дрались въ океанѣ дыма.

И со всѣхъ сторонъ огнемъ объятый,
Молодой американецъ нѣжный
На кривой трубѣ сыгралъ бесплатно
Похоронный вальсъ, и безмятежный.

А потомъ упалъ и задохнулся.
А костеръ огромный разрастаясь
Облаковъ тычинками коснулся
И потомъ въ расвѣтной мглѣ растаялъ.

А на утро въ ореолѣ зноя
Надъ театромъ отошедшемъ въ вѣчность,
Садъ раскрылся розовой стѣною
Въ небесахъ пустыхъ и безупречныхъ.

1927.

НА ЗАРѢ

Валеріану Дряхлову.

Розовѣющій призракъ зари
Возникалъ надъ высокимъ строенъемъ.
Гасли въ мокромъ саду фонари,
Я молился любви... Озари!
Безмятежнымъ своимъ озаренъемъ.

По горбтому мосту во тьмѣ
Проходили высокіе люди.
И въ догонку ушедшей веснѣ,
Безвозмѣдно летѣлъ на конѣ
Жесткій свистъ соловьиныхъ прелюдій.

А въ лѣсу на травѣ непримятой,
Умирала весна въ темнотѣ.
Пахло сыростью, мохомъ и мятой.
И отшельникъ въ шубенкѣ косматой
Умывался въ холодной водѣ.

1927.

ЖАЛОСТЬ

Солнечный свѣтъ, я къ тебѣ прикоснулся, но ты не замѣтилъ,
Ты не проснулся, но лишь улыбнулся во снѣ.
Странно молчали послѣдніе сны на разсвѣтъ
Въ воздухѣ рѣялъ таинственный розовый снѣгъ.

Ангелы прочь отлетали отъ лона земного
Имъ натрудившимся за ночь пора было спать.
Цѣлую ночь они пѣли у міра иного,
Спящіе же не спѣшили ^и ~~и~~ ^{пятились} вспять.

Раннее утро сіяетъ прохладой
Спящіа лица румянцемъ марая
Моюгъ и чистятъ предверіе ада
И ворота закрываютъ у рая.

Юноша нѣжной женою взлелѣянь,
Гладимъ прозрачной дѣвичьей рукой.
Другъ мой, Ты вѣренъ жестокой? Я вѣренъ!
Въ вѣрѣ въ нее Ты обрящешь покой.

Розовый вѣтеръ зари запоздалой
Ласково гладитъ меня по рукѣ
Міръ мой послѣдній, вечеръ мой алый
Чувствую твой поцѣлуй на щекѣ.

Тихо иду одѣянный цвѣтами
Съ самого дѣтства готовъ умереть.
Не занимайтесь моими слѣдами
Вѣтру я ихъ поручаю стереть.

Розовый часъ проплывалъ надъ свѣтающимъ міромъ.
Души изъ рая назадъ возвращались въ тѣла.
Ты отходила въ твоёмъ сверхъестественномъ мірѣ.
Солнце вставало, и гасла свѣча у стола.

Розовый снѣгъ опадалъ въ высотѣ безмятежной.
Вдругъ Ты проснулась еще разъ; но Ты никого не узнала,
Станный Твой взглядъ проскользиль удивленный и нѣжный.
И утонулъ въ полумракѣ высокаго зала.

А за окномъ, незабвенно блистая росю,
Лѣто цвѣло и сады опускались къ рѣкѣ.
А по дорогѣ, на солнцѣ блистая косою,
Смерть уходила и чертъ убѣгалъ на легкѣ.

Міръ незабвенно сіялъ очарованный лѣтомъ.
Бѣлыми клубами въ небо всходили пары.
И, поднимая античныя руки, атлеты
Камень ломали и спали въ объятыхъ жары.

Солнце сіяло въ безсмертномъ своемъ обаяньи.
Флаги всходили, толпа начинала кричать.
Что-то ужасное пряталось въ этомъ сіяньи.
Броситься на земь хотѣлось, забыть, замолчать.

D O L O R O S A

На балконѣ плакала заря
Въ ярко красномъ платьѣ маскарадномъ.
И надъ нею наклонился зря
Тонкій вечеръ въ сюртукѣ парадномъ.

А потомъ надъ кружевомъ рѣшетки
Поднялась она къ нему, и вдругъ,
Онъ издавъ трамвайный стонъ короткій
Сбросилъ внизъ позеленѣвшій трупъ.

И тогда на улицу, на площадь,
Подъ прозрачный бой часовъ съ угла,
Выбѣжала голубая лошадь,
Синяя карета изъ стекла.

Громко хлопнувъ музыкальной дверцей,
Соскочила осень на ходу,
И прижавъ рукою больное сердце
Закричала, какъ кричатъ въ аду,

А въ отвѣтъ изъ воздуха, изъ мрака
Полетѣли сонмы бѣлыхъ розъ,
И зима, подъ страннымъ знакомъ рака,
Вышла въ небо расточать морозъ.

И танцуя подъ фонарнымъ шаромъ,
Опадая въ тишинѣ бездонной,
Смерть заѣла совершенно даромъ
Надъ лежащей на землѣ Мадонной.

1926—1927.

РОЗА СМЕРТИ

Георгію Иванову.

Въ черномъ паркѣ мы весну встрѣчали,
Тихо вралъ копѣчный смычекъ,
Смерть спускалась на воздушномъ шарѣ,
Трогала влюбленныхъ за плечо.

Розовъ вечеръ, розы носить вѣтеръ.
На поляхъ поэтъ рисунокъ чертитъ.
Розовъ вечеръ, розы пахнутъ смертью
И зеленый снѣгъ идетъ на вѣтви.

Темный воздухъ осыпаетъ звѣзды,
Соловьи поютъ, моторамъ вторя,
И въ кіоскъ надъ зеленымъ моремъ.
Полыхаетъ газъ туберкулезный.

Корабли отходятъ въ небѣ звѣздномъ,
На мосту платками машутъ духи,
И сверкая черезъ темный воздухъ
Паровозъ поетъ на виадукѣ.

Темный городъ убѣгаетъ въ горы,
Ночь шумитъ у танцевальной залы
И солдаты покидая городъ
Пьютъ густое пиво у вокзала.

Низко низко, задѣвая души,
Лунный шаръ плыветъ надъ балаганомъ,
А съ бульвара подъ органъ тщедушный,
Машетъ карусель руками дамамъ.

И весна бездонно розовѣя,
Улыбаясь, отступая въ твердь,
Раскрываетъ темно-синій вѣеръ
Съ надписью отчетливою: смерть.

Восхитительный вечеръ былъ полонъ улыбокъ и звуковъ
Голубая луна проплывала высоко звуча,
Въ полутьмѣ Ты ко мнѣ протянула безсмертную руку,
Незабвенную руку что сонно спадала съ плеча.

Этотъ вечеръ былъ чудно тяжелъ и таинственно душень,
Отступая заря оставляла огни въ вышинѣ,
И большіе цвѣты разлагаясь на грядкахъ какъ души
Умирая свѣтились и тяжело дышали во снѣ.

Ты меня обвела восхитительно медленнымъ взглядомъ,
И заснула откинувшись навзничь, вернулась во сны
Видѣлъ я какъ въ таинственной позѣ любитъ адомъ
Путешественникъ ^{ангелъ} атель въ измятомъ костюмѣ весны.

И весна умерла и луна возвратилась на солнце,
Солнце встало; и темный румянецъ взошелъ.
Надъ загаженнымъ паркомъ святое виденье пропало
Міръ воскресъ и заплакалъ и розовымъ снѣгомъ отцвѣлъ.

1928

ЛУННЫЙ ДИРИЖАБЛЬ

Я хочу Тебя погубить
Я хочу погибающимъ быть,
О прекрасной гибели душъ
Я Тебѣ расскажу въ аду.

Строить ангелъ дворець на лунѣ,
Дирижабль отходить во снѣ.
Запѣвають кресты винтовъ,
Опадаютъ листы цвѣтовъ.

Синій звукъ разсѣкаетъ эфиръ,
Приближается мертвый міръ.
Открывается лунный портъ,
Улыбается юнный чертъ.

И огромная въ темнотѣ
Коллонада сходитъ къ водѣ
Въ синихъ синихъ луны лучахъ
Коллонады во тьмѣ звучатъ.

Въ Изумрудной ночной водѣ
Спятъ прекрасныя лица дѣвъ,
А въ тѣни голубыхъ колонъ
Дремлетъ каменный Аполлонъ.

Зацвѣтаютъ въ огнѣ сады.
Замки бѣлые всходятъ какъ дымъ,
И сквозь темно синій лѣсокъ,
Ярко темный горитъ песокъ.

Напѣвають цвѣты въ саду.
Оживаютъ статуи душъ.
И какъ бабочки изъ огня
Достигаютъ слова меня.

Вѣрь мнѣ, ангель, луна высока,
Музыкальныя облака
Окружаютъ ее, огни
Тамъ звучать и сіяютъ дни.

Синій ангель влюбился въ весну.
Черный свѣтъ отойди ко сну.
Прозябаніе полюби,
Погибаніе пригуби.

Тихо смотритъ черепъ въ окно.
Въ этой комнатѣ совсѣмъ темно,
Только молча на самомъ днѣ.
Тѣнь кривая спитъ на стѣнѣ.

1928

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ВЪ БУТЫЛКѢ

Мысль Доброй Надежды. Мы съ доброй надеждой тебя
[покидали,
Но море чернѣло, и красный закатъ холодовъ
Стоялъ надъ кормою, гдѣ пассажирки рыдали,
И призракъ Титаника насъ провожалъ среди льдовъ.

Въ сумракѣ ахнулъ протяжный обѣденный гонгъ.
Въ залѣ оркестръ запѣлъ о любви невозвратной.
Вспыхнулъ на мачтѣ блуждающій Эльмовъ огонь.
Перекрестились матросы внизу троекратно.

Мы погибали въ таинственныхъ южныхъ моряхъ,
Волны хлестали, смывая шезлонги и лодки.
Мы цѣловались, корабль опускался во мракъ.
Въ трюмѣ кричалъ арестантъ, сотрясая колодки.

Съ лодкою за бортъ, кривясь, исчезалъ рулевой,
Хлопали выстрѣлы, визги рвались на удары
Мы цѣловались, и надъ Твоей головой
Гасли ракеты, взвиваясь прекрасно и даромъ.

Мы на пустомъ кораблѣ оставались вдвоемъ,
Мы погружались, но мы погружались въ весельѣ.
Розовымъ утромъ безбрежный расцвѣлъ водоемъ,
Мы со слезами встрѣчали свое новоселье.

Солнце вошло надъ курчавой Твоей головой,
Ты просыпалась и пошевелила рукою.
Въ трюмѣ, ныряя, я встрѣтился съ мертвой ногой,
Милый мертвецъ, мы недѣлю питались тобою.

Милая, мы умираемъ, прижмись же ко мнѣ.
Небо насъ угнетаетъ, насъ душитъ синяя твердь.
Милая мы просыпаемся, это во снѣ.
Милая, это не правда. Милая, это смерть.

Тихо восходитъ на щеки послѣдній румянецъ.
Невыразимо счастливыми души вернутся ко снамъ.
Рукопись эту въ бутылкѣ, прочти, иностранецъ
И позавидуй съ богами и звѣздами намъ.

Г А М Л Е Т Ъ

„Гамлетъ, Ты уѣзжаешь, останься со мной,
Мы прикоснемся къ землѣ и, рыдая, заснемъ отъ печали.
Мы насладимся до слезъ униженьемъ печали земной,
Мы закричимъ отъ печали, какъ раньше до насъ не кричали.

Гамлет, Ты знаешь, любовь согрѣваетъ снѣга,
Ты прикоснешься къ землѣ и прошепчешь: „забудь обо всемъ“!
Высунетъ мѣсяць свои золотые рога,
Порозовѣетъ денница надъ домомъ, гдѣ мы заснемъ“.

Гамлетъ ей отвѣчаетъ:—забудь обо мнѣ,
Тамъ надо мной отплываютъ огромныя птицы,
Тихо большіе цвѣты расцвѣтаютъ, въ огнѣ
Ихъ улыбаются незабвенныя лица.

Синія души вращаются въ снахъ голубыхъ,
Розовый мостъ проплываетъ надъ моремъ лиловымъ.
Ангелы тихо съ нею окликаютъ живыхъ
Къ жизни прекрасной, необъяснимой и новой.

Тамъ на большой высотѣ, расцвѣтаетъ морозъ,
Юноша спитъ на вершинѣ горы розоватой,
Садъ проплываетъ въ малиновомъ заревѣ розъ,
Воздухъ свѣтаетъ, и полюсь блеститъ синеватый.

Молча снѣжинка спускается бабочкой алой,
Тихо стекаютъ на зданія струйки огня,
Но растворяясь въ сиреновомъ небѣ Валгалы,
Гамлетъ пропалъ до наступленія дня.

„Гамлетъ, Ты уѣзжаешь, останься со мной!“
Пѣла безумная дѣвушка подъ луной.

Ф Л А Г И

Въ лѣтній день надъ бѣлымъ тротуаромъ
Фонари висѣли изъ бумаги.
Трубный голосъ шамкалъ надъ бульваромъ,
На большихъ шестахъ мечтали флаги.

Имъ казалось море близко гдѣ-то,
И по нимъ волна жары бѣжала
Воздухъ спалъ, не видя сновъ какъ Лета.
Всѣхъ насъ флаговъ осѣняла жалость.

Имъ являлся остовъ корабельный,
Черный дымъ что отлетаетъ нѣжно,
И молитва надъ волной безбрежной
Корабельной музыки въ сочельникъ.

Быстрый взлетъ на мачту въ океанѣ,
Шумъ салютовъ, крикъ матросовъ черныхъ.
И огромный спускъ надъ якорями
Въ часъ паденья тѣла въ ткани скорбной.

Первымъ блещетъ флагъ надъ горизонтомъ.
И подъ вспышки пушекъ бодро вьется.
И послѣднимъ тонетъ средь обломковъ.
И еще крыломъ о воду бьется.

Какъ душа, что покидаетъ тѣло,
Какъ любовь моя къ Тебѣ. Отвѣты!
Сколько разъ Ты въ лѣтній день хотѣла
Завернуться въ флагъ и умереть.

МИСТИЧЕСКОЕ РОНДО I

Татьянѣ Шапиро.

Бѣлый домикъ, я тебя увидѣлъ
Изъ окна.
Можетъ быть въ тебѣ живетъ Овидій
И весна.
Въ полдень тихо сходить съ бѣлой башни
Сонъ людской.
Франтъ проходитъ въ розовой рубашкѣ
Городской.
Шелкъ песка шумитъ и затихаетъ.
Дышатъ смолы.
Отдаленный выстрѣлъ долетаетъ
Точно голубь.
Руки спятъ, едва меня касаясь,
Голосъ сонный,
Съ отдаленной башни долетая,
Славить солнце.
„Спятъ на солнцѣ золотые души
Тѣхъ кто вѣрятъ.
Тихо сердцу шепчутъ о грядущемъ
Изъ за двери.
О, Тристанъ иди столѣтій мимо
И внемли,
Я люблю Тебя необъяснимо
Внѣ земли.
Ты съ луны мнѣ говоришь о счастьѣ.
Счастье—смерть,
Я Тебя на солнцѣ буду ждать.
Будь твердъ“.
Жарко дышатъ смолы. Все проходитъ.
Спитъ рука. На башнѣ ангелъ спитъ,
Межъ деревьевъ бѣлый пароходикъ
Колесомъ раскрашеннымъ шумитъ.

РИМСКОЕ УТРО.

Поетъ весна, летитъ синица въ горы.
На ипподромѣ лошади бѣгутъ.
Легіонеръ груститъ у входа въ городъ.
Рабъ Эпиктетъ молчитъ въ своемъ углу.

Подъ зеленюю акацій низкорослыхъ
Спѣшитъ вода въ отверстія клоакъ,
А въ синеву глядя, гдѣ блещутъ звѣзды
Болтаютъ духи о своихъ дѣлахъ.

По вѣковой дорогѣ блѣдно сѣрой
Автомобиль сенатора скользитъ.
Блеститъ сирень, кричитъ матросъ съ галеры
Христось на аэропланѣ вдалѣ летитъ.

Богиня всходитъ въ сумерки на башню.
Съ огромной башни тихо вѣется флагъ.
Христось, пославъ газеты листь вчерашній,
Спитъ въ воздухѣ съ звѣздою въ волосахъ.

А въ храмѣ мраморномъ собаки лаютъ
И статуи играютъ на роялѣ,
Вѣвка изъ бани выйти не желаютъ,
Рука луны блеститъ на одѣялѣ.

А Эпиктетъ поетъ. Моя судьба
Стираетъ Римъ, какъ утро облака.

МИСТИЧЕСКОЕ РОНДО II

Было жарко. Флаги молча вились,
Пѣли трубы.
На рукѣ часы остановились
У Гекубы.

По веревкѣ ночь спустилась съ башни
Къ намъ на дворъ.
Слышенъ былъ на разстояньи страшномъ
Разговоръ.

На гранитномъ виадукѣ ^{руки}
Говорили,
Что внизу въ аду тѣла не въ духѣ,
Гдѣ забыли.

На высокой ярко красной башнѣ
Ангель пѣлъ,
А въ зеленомъ небѣ, дѣтямъ страшномъ,
Черный дирижабль летѣлъ.

Тихо солнце вѣхало по рельсамъ
Раскаленнымъ.
Съ башни ангель пѣлъ о мертвой Эльзѣ
Голосомъ отдаленнымъ...

О прекрасной смерти въ часъ побѣды,
Въ часъ вѣнчанья,
О вѣнчаньи съ солнцемъ мертвой Эды,
О молчаньи

И насквозь былъ виденъ замокъ снѣжный
Въ сердцѣ лѣта
И огромный пляжъ на побережьи
Леты...

БОГИНЯ ЖИЗНИ

Плылъ лунный шаръ надъ крѣпостною крышей,
Спала на солнце неземная площадь,
Цвѣты сіяли, были черны ниши.
Въ тѣни мечтала золотая лошадь.

А далеко внизу сходили важно
Какихъ то лѣстницъ голубыя плиты.
Богиня жизни на вершинѣ башни
Смотрѣла вдаль съ улыбкой Гераклита.

А тамъ цвѣла сирень, клонясь на мраморъ,
И было звѣздно въ синевѣ весенней.
Тамъ дни слонялись, какъ цыганскій таборъ
Тамъ былъ разсвѣтъ, и паркъ, и воскресенье,

Гдѣ корабли тонули въ снѣжномъ дымѣ.
На палубѣ играли трубы хоромъ,
Сквозь сонъ листвы танцоры проходили.
Кончалась ночь, и голубѣли горы.

Надъ остановкой облако алѣло,
Автомобиль скользилъ, трубя устало, труба мечтала.
И танцевать пытался не умѣло
Румяный ангелъ на исходѣ бала,

Когда горѣлъ, дымя, фонарь бумажный
И соловей въ сосѣднемъ паркѣ охаль.
Но въ розахъплылъ разсвѣтный холодъ влажный,
Оркестры гасли, возвращаясь къ Богу, трубя тревогу.

Ужъ начинался новый день внѣ власти
Ночной, весенней, неземной мятели.
Быль лѣтній праздникъ полонъ шумомъ счастья
Въ лиловомъ небѣ дирижабли пѣли.

Стрѣляли пушки въ морѣ бѣлой пыли.
Въ шуршащихъ кофтахъ дѣвушки потѣли,
А въ балаганахъ дѣти пиво пили
И маленькой рукой махать хотѣли.

А въ далекѣ, гдѣ замокъ красныхъ плитъ,
Мечтала смерть, курчавый Гераклитъ.

1928.

СМЕРТЬ ДѢТЕЙ

Моисею Блюму.

Розовѣтъ закатъ надъ заснѣженнымъ міромъ
Возникаетъ сиреневый голосъ луны.
Надъ трамваемъ, въ рогахъ электрической лиры
Искра прыгаетъ въ воздухъ темномъ зимы.

Высоко надъ домами, надъ башнями оконъ,
Пролетаетъ во снѣ сѣревѣющій снѣгъ
И проливъ въ переулокъ сиреневый локонъ
Спитъ зима и во снѣ уступаетъ веснѣ.

Расцвѣтаетъ молчанья свинцовая роза—
Сонъ людей и безсмысленный шопотъ боговъ,
Но надъ каменнымъ сводомъ ночного мороза
Слышенъ дѣвичій шопотъ легчайшихъ шаговъ.

По небесному своду на розовыхъ пяткахъ
Дѣловитые ангелы ходятъ въ тиши,
Съ ними дѣти играютъ въ полуночи въ прятки
Или вѣшаютъ звѣзды на елку души.

На хвостѣ у медвѣдицы звѣздочка скачетъ.
Дѣти сѣли на зайцевъ, за нею сиѣшатъ,
А проснувшись на утро безудержно плачутъ,
На игрушки земныя смотрѣтъ не хотятъ.

Рождество расцвѣтаетъ надъ лонамъ печали.
Праздникъ, праздникъ, ты чей?—Я надзвѣздный, чужой
Хоромъ свѣчи въ столовой въ отвѣтъ зазвучали,
Удивленная дѣвочка стала большой.

А когда надъ окномъ, надъ потушенной елкой
Зазвучалъ фіолетовый голосъ луны.
Дѣти сами открыли окошко свѣтелки
Съ подоконника медленно бросились въ сны.

1927

ДѢТСТВО ГАМЛЕТА

Иринѣ Одоевцевой.

Много дѣтей собралось въ эту ночь на мосту.
Синія звѣзды надѣли лимонныя шляпы.
Спрятала когти медвѣдица въ мягкую лапу.
Мальчикъ надѣлъ свой новый матросскій костюмъ.

Мостъ этотъ тихо качался межъ жизнью и смертью,
Тамъ на одной сторонѣ, былъ холодный разсвѣтъ.
Черный фонарщикъ несъ голову ноу^й на жерди,
Нехотя загорался подъ крышами газовый свѣтъ.

Зимнее утро чесалось подъ снѣжной периной.
А на другой сторонѣ былъ отвѣсный лиловый лѣсъ.
Сверху курлыкалъ невидимый блескъ соловьиный.
Яркія лодки спускались сквозь листья съ небесъ.

Въ воздухѣ города желтыя крыши горѣли.
Странное синее небо темнѣло въ дали.
Люди на всѣхъ этажахъ улыбались, блестя.
Только внизу было вовсе не видно земли.

Поѣздъ красивыхъ вагоновъ сквозь сонъ подымался.
Странные люди изъ оконъ махали платками.
Въ глетчерѣ синемъ оркестръ наигрывалъ вальсы
Кто то съ воздушныхъ шаровъ говорилъ съ облаками.

Каждый былъ тихъ и красивъ и уменъ безпридѣльно.
Свѣтлый драконъ ихъ о Богѣ училъ на горѣ,
Въ городѣ-жъ снѣжномъ и сонномъ былъ понедѣльникъ.
Нужно въ гимназію было идти на зарѣ.

Кто-то изъ воздуха дѣтямъ шепталъ надъ мостами.
Дѣти молчали, они отъ огней отвернулись.
Странный кондукторъ имъ роздалъ билеты съ крестами.
Радостно лаялъ будильникъ на тѣхъ, кто вернулись.

1929

Михаилу Осиповичу Цетлину.

Дѣвочка возвратилась, ангель запѣлъ наугадъ.
На деревянныхъ инструментахъ дождикъ забарабанилъ.
Дѣвочка возвратилась въ снова зацвѣтшій адъ,
Розы ей улыбаются розовыми губами.

Папочка видишь, тамъ киска, милая киска.
Нѣтъ, дорогая, это сфинксъ заснулъ на лугу,
Папочка ты видишь бѣлаго трубочиста?
Дѣвочка, я не вижу, дѣвочка, я не могу.

Тихо проходятъ надъ городомъ синія звѣзды
Желтые дымные братья внизу—фонари.
Звѣзды зовутъ ихъ на небо; тамъ игры и отдыхъ,
Только они не хотятъ уходить до зари.

Кротко въ лѣсу спятъ подъ корнями бѣлые зайцы,
Елка звенитъ въ тишинѣ золотыми лучами.
Сонно въ дали отвѣчаютъ друзья эдельвейсы,
Тихо ей лапками машутъ надъ ледниками.

Ночь оплываетъ и горы слегка розовѣютъ.
Ангелы молча стоятъ на разсвѣтномъ снѣгу.
Ангель спаси ее! елку.—Я не умѣю,
Пусть догоритъ, я помочь ей погибнуть могу.

Бѣлое небо въ снѣгу распустилось, какъ время,
Пепельный день замѣнилъ блѣдноалый разсвѣтъ.
Мертвая елка упала въ лѣсу на колѣни
Снѣжную душу срубилъ молодой дровосѣкъ.

Мертвая елка уѣхала. Сани скрипѣли
Глядя дорогу зелеными космами рукъ,
Въ небѣ былъ праздникъ, тамъ яркое дерево пѣло,
Ангелы, за руки взявшись, смѣялись вокругъ.

1920

ЧЕРНЫЙ ЗАЯЦЪ

Николаю Оцупу.

Гаснетъ пламя елки, тихо въ залѣ.
Въ темной дѣтской спитъ герой умаясь.
А съ карниза красными глазами
Неподвижно смотритъ снѣжный заяцъ.

Снѣгъ летитъ съ небесъ сплошной стѣною,
Фонари гуляютъ въ бѣлыхъ шапкахъ.
Въ полѣ, съ керосиновой луною,
Паровозъ бѣжитъ на красныхъ лапкахъ.

Горы волны ходятъ въ океанѣ.
Съ острововъ гудятъ сирены грозно.
И большой корабль затертый льдами
Накренясь лежитъ подъ флагомъ звѣзднымъ.

Тамъ въ каютѣ грамфонъ играетъ.
И друзья танцуютъ въ полумракѣ.
Путаясь въ ногахъ собаки лаютъ.
Къ кораблю летитъ скелетъ во фракѣ.

У него въ рукѣ луна и роза,
А въ другой письмо гдѣ желтый локонъ,
Сквозь узоры звѣзднаго мороза
Ангелы за нимъ слѣдятъ изъ оконъ.

Никому войдя мѣшать не станетъ.
Вѣжливо рукой танцоровъ тронетъ,
А когда ночное солнце встанетъ
Ледъ растаетъ и корабль утонетъ.

Только звѣздный флагъ на бѣлой льдинѣ
Въ южномъ морѣ съ палубы узнаютъ.
И фуражки офицеры снимутъ.
Краткій выстрѣлъ въ морѣ отпылаетъ.

Страшный заяцъ съ красными глазами.
За двойнымъ стекломъ, за слоемъ ваты,
Хитро смотритъ: гаснетъ елка въ залѣ.
Мертвый лысый мальчикъ спитъ въ кровати.

Н О М М А Г Е А Р А В Л О Р І С А С С О

Привидѣнье зари появилось надъ островомъ чернымъ
Одинокій въ туманѣ шепталъ голубые слова,
Пѣлъ гудокъ у мостовъ съ фіолетовой барки моторной,
А въ садахъ умирала разсвѣтныхъ часовъ синева.

На огромныхъ канатахъ въ бассейнѣ заржавленный крейсеръ
Умалялъ: „Отпустите меня умереть въ океанѣ“.
Но рѣчной пароходикъ, въ дыму и пару, точно гейзеръ,
Надсмѣхался надъ нимъ и шаланды тащилъ на арканѣ.

А у сѣрой палатки, въ вагонѣ на желтыхъ колесахъ
Акробатъ и танцовщица спали обнявшись на снѣ.
Ихъ отецъ великанъ въ полосатой фуфайкѣ матроса
Мылся прямо на площади чистой, пустой и весенней.

Утромъ въ городѣ новомъ гуляли красивые дѣти,
Одинокій за нимъ слѣдилъ улыбаясь въ туманѣ.
Будетъ циркъ нашъ во флагахъ, и самый огромный на свѣтѣ,
Будетъ ѣздить качаясь въ зеленомъ вагонѣ-ресторанѣ.

И еще говорили, а звѣзды за ними слѣдили,
Такъ хотѣлось имъ съ ними играть въ акробатовъ въ пыли.
И грядущіе годы къ порогу зари подходили,
И во снѣ улыбались грядущіе зори земли.

Только вечеръ пришелъ. Одинокій заснулъ отъ печали,
А огромный закатъ былъ предчувствіемъ вѣчности полонъ.
На бульварѣ красивыя трубы въ огняхъ зазвучали.
И у сѣрой палатки запѣлъ размалеванный клоунъ.

Высоко надъ ареной на тонкой стальной бичевѣ;
Шла танцовщица дѣвочка съ нѣжнымъ своимъ акробатомъ,
Вдругъ, народъ приподнялся и звукъ оборвался въ трубѣ.
Акробатъ и танцовщица въ зори ушли безъ возврата.

Высоко надъ домами летѣлъ дирижабль зари,
Угасалъ и хладѣлъ синевѣющій вечера воздухъ.
Въ лучезарномъ трико облака голубые цари
Безмятежно качались на тонкихъ трапеціяхъ звѣздныхъ.

Одинокій шепталъ: „Завтра снова весна на землѣ
Будетъ снова мгновенно легко засыпать на разсвѣтѣ.
Завтра вѣчность поетъ: Не забудь умереть на зарѣ,
Изъ разсвѣта въ закатъ перейти какъ небесные дѣти“.

МАЛЬЧИКЪ И АНГЕЛЪ

Юрію Фельзену.

Солнце было низко, низко въ небѣ
Въ черномъ мѣрѣ между черныхъ тучъ.
Въ золотомъ своемъ великолѣпьи
Возвращался въ горы мертвый лучъ.

Подъ сиреню въ грязи мѣ переулкѣ
Синеглазый ангелъ умиралъ.
И надъ нимъ, идя домой съ прогулки,
Нѣжный, пьяный мальчикъ хохоталъ.

Что васъ носить, ангельскіе дѣти,
Межъ сиреней плакать на землѣ,
Нужно было рано на разсвѣтѣ
Улетѣть на маленькомъ крылѣ.

Помню, звалъ сквозь розовыя вѣтки
Голосъ часто слышанный во снѣ:
„Поздно, поздно возвращайся, дѣтка,
День идетъ съ небесъ, какъ синій снѣгъ.“

Застываютъ въ зеркалѣ надъ паркомъ
Ограженья звѣздъ—цвѣты во льду.
Улыбаясь, разбиваетъ парка
Это зеркало весной въ аду.

Розовыя звѣзды равнодушья,
Что васъ носить въ небѣ въ бѣлый день.
Только ангелъ мальчика не слушалъ,
Онъ смотрѣлъ какъ падаетъ сирень.

Каждый крестикъ мимо пролетая,
Пѣлъ ему: „Возьми меня съ собой.“
А потомъ онъ точно снѣгъ растаялъ.
Чертъ же мальчика унесъ въ кафе домой.

ВЪ ДУХОВЪ ДЕНЬ

Борису Заковичу.

Карлики и гномы на скамьяхъ собора
Слушали музыку съ лицами царей.
Пѣли и молились еле слышнымъ хоромъ
О томъ, чтобы солнце взошло изъ морей.

Только ночь была глубока, какъ годы,
Гдѣ столько звѣздъ зашло и не встанетъ;
Черныя лица смотрѣли въ сводахъ,
Черныя дьяконы шли съ цвѣтами.

Солнышко, солнце, мы такъ устали
Маленькія руки къ небу подымать.
Черныя бури въ морѣ перестали,
Розовый голосъ Твой все-жъ не слышать.

Солнце, взойди! Наши души остынутъ,
Мы станемъ большими, мы забудемъ свой сонъ.
Ложное солнце плыветъ изъ пустыни,
Солнце восходитъ со всѣхъ сторонъ.

И къ землѣ наклонялись. А духи смѣялись,
Черныя лица въ колоннахъ пряча.
Сѣрое зарево въ небѣ появлялось,
Къ бойнѣ тащилась первая кляча.

А когда на утро служитель въ скуфейкѣ
Пришелъ подметать холодный соборъ,
Онъ былъ удивленъ, что на всѣхъ скамейкахъ
Мертвыя розы лежали, какъ соръ.

Тихо собралъ восковыми руками,
Въ маленькій гробъ на дворѣ положилъ,
И пошелъ, уменьшаясь межъ облаками,
Въ садъ золотой, гдѣ онъ лѣтомъ жилъ.

ПОДЪ ЗЕМЛЮ

Сергѣю Кузнецову.

Маленькій священникъ игралъ на роялѣ
Въ церкви заколоченной, въ снѣжную ночь.
Клавиши тихо шумѣли и ввали
Имъ было съ мятелью бороться не въ мочь.

Она сотрясала иконостасы,
Гасила лампы и плакала въ трубахъ.
Тихо склонясь къ землѣ ипостаси
Кутались въ жесткія, желтыя шубы.

А въ глубокомъ снѣгу засыпалъ проходимецъ
Въ бѣлой рубашкѣ съ чернымъ крестомъ.
Онъ въ маленькомъ сверткѣ несъ въ церковь гостинецъ,
И заснулъ заблудившись подъ тощимъ кустомъ.

А бѣлые зайцы смотрѣли изъ норокъ,
О чемъ-то шептались—хотѣли помочь.
А волки царапались въ двери собора
Но лапками развѣ чугуны превозмочь.

И карлики, ангелы бѣлыхъ снѣжинокъ,
Его покрывали своими лучами
Тамъ, гдѣ уснувши въ теплѣ пелеринокъ
Елки сіяли звѣздами-свѣчами.

И все было глухо и тягостно въ чашѣ.
Надъ всѣмъ были снѣжныя толщи и годы,
Лишь музыка тихо сіяла изъ Чаши
Неслышнымъ и розовымъ свѣтомъ свободы.

И плакали волки. А мертвый былъ кротокъ
Исполнивъ завѣты Святого Грааля
И только жалѣлъ что оставилъ кого-то
Въ подземной часовнѣ за чернымъ роялемъ.

З В Ъ З Д Н Ы Й Я Д Ъ

Идѣ Григорьевнѣ Карской.

Въ гробсвомъ таинственномъ театрѣ
Неземные на столахъ лежали.
Ихъ лѣчилъ профессоръ Маріатри
Отъ желанья жить и отъ печали.

Въ классѣ былъ одинъ самоубійца
Онъ любилъ съ нимъ говорить о Розахъ,
А другой боящійся разбиться
Углублялся съ нимъ въ свои невроты.

А Никъ Картеръ утромъ приходилъ.
Онъ смотрѣлъ сквозь лупу въ очи мертвыхъ.
Размышлялъ: Профессоръ здѣсь вредилъ
Онъ развѣдалъ адресъ самыхъ гордыхъ.

Каждой ночью въ бездну прилетая,
Съ золотой звѣздой въ карманѣ фрака
Здѣсь смѣясь, грустя и сострадавая
Онъ поилъ ихъ звѣзднымъ ядомъ мрака.

Синіе смотрѣли въ океаны,
Черные на башнѣ звали ночь.
Бѣлые спускались за туманы,
Алые въ зарю летѣли прочь.

А Никъ Картеръ подѣ дождемъ рыдалъ:
Вѣдь не усмотрѣлъ, а какъ старался,
Но профессоръ вдругъ покинулъ даль,
И къ нему со сринкою подкрался.

Бѣдный сыщикъ тихо вытеръ слезы.
Прямо въ сердцѣ револьверъ приставилъ.
И случилось съ нимъ метаморфоза
Ангеломъ онъ этотъ ^{лишь} оставилъ.

САЛОМЕЯ I

Тихо ангель гасиль фонари.
Вотъ еще одинъ тамъ погасъ.
Синій, бѣлый въ лучахъ зари
Проскакаль надо мной Пегасъ.

Странный призракъ въ блѣдномъ огнѣ
Отдалился онъ и исчезъ.
Кто то страшно крикнулъ въ окнѣ
При паденьи послѣднихъ звѣздъ.

Городъ спалъ на большихъ якоряхъ
На каналѣ, что пусть и малъ,
Далеко въ разсвѣтныхъ моряхъ
Утонувшій корабликъ спалъ.

Это дѣтство мое отошло
Въ океанъ голубой безъ предѣла.
Свѣсивъ ноги въ черномъ трико
Смерть махала на мачтѣ бѣлой.

На кормѣ былъ прекрасный флагъ
Блѣдно алый съ звѣздой золотой,
Но высоко почти въ облакахъ
Смерть лежала черной фатой.

Саломея! Бушуетъ рокъ,
Развѣваетъ флаги судьба.
У твоихъ остроносныхъ ногъ
Умираетъ въ песокъ звѣзда.

Голубой и смѣшной матросъ
Отравился виномъ изъ розъ,
А высокій его пароходъ
Мимо мола ушелъ въ походъ.

Онъ напрасно бѣжитъ по землѣ,
Все пытаюсь кричать, свистѣть.
Смерть играетъ въ саду на трубѣ
Звонъ сиреней несется съ алей.

Пожалѣй, его пожалѣй!
Помоги ему умереть.

САЛОМЕЯ II

Розовѣтъ осенній лѣсъ
На холмахъ, я плачу, я жду,
Саломея, Тебѣ съ небесъ
Посылаетъ дѣтство звѣзду.

Ты живешь на лѣсистой горѣ,
Гдѣ надъ замкомъ флаги ^{вздвигаютъ} густвуютъ,
Дремлютъ карлы въ высокой травѣ,
Надъ стѣнами стрижи свистятъ.

Дальній берегъ окутанъ мглою,
Душный вечеръ горитъ, горитъ.
Тамъ, гдѣ море слилось съ рѣкою,
Ужъ маякъ неземной царитъ.

Голубой и смѣшной матросъ
Нагружаетъ свой пароходъ
Милліонами бѣлыхъ розъ,
И уходитъ съ зарей въ походъ.

Саломея! Слышишь, трубитъ
Пароходъ у земныхъ маяковъ?
Нынче ночью въ бурю судьбы
Онъ уходитъ безъ моряковъ.

Будетъ дѣтство свое искать,
Никогда его не найдетъ.
Въ океанѣ гдѣ спитъ тоска,
Разобьется о вѣчный ледъ.

Буря рока шумить въ сиреняхъ.
Голосъ съ моря: „Я жду, я жду!“
Саломея на зовъ сирены
Вознесла надъ землей звѣзду.

На огромной башнѣ желѣзной,
Вся въ раздумьи, смотритъ въ туманъ;
Брось ее въ голубую бездну,
Отпусти корабль въ океанъ.

Безвозвратно плаванье юныхъ,
Голубыхъ и смѣшныхъ сердець.
Волны всходятъ по лѣстницѣ лунной,
Голосъ съ моря: „Конецъ! конецъ!“

Все мгновенно, все безконечно;
Вѣтеръ встрѣчный, прощай, прощай.
Напѣвая въ сиреняхъ млечныхъ
Буря смерти несется въ рай.

1929.

РОЗЫ ГРААЛЯ

Ольгѣ Николаевнѣ Гардениной.

Спала вѣчность въ розовомъ гробу.
А кругомъ все было тихо странно.
Въ синюю стеклянную трубу,
Ангелы трубили про судьбу
Въ изумрудномъ небѣ лѣтомъ раннимъ.

Въ темномъ домѣ призракъ сплѣ на стулѣ
На рабочій столъ облокотясь.
А въ большемъ окнѣ огни іюля
Молча гасли, медленно тонули,
На огромной глубинѣ свѣтятся.

Высока заря надъ Ронсевалемъ,
Неподвиженъ вечеръ, конченъ путь.
За стѣнами рыцари Грааля
Розу бѣлую въ снѣгу сорвали
И кого-то улыбаясь ждуть.

Освѣтилъ закатъ святые своды.
Высоко на башняхъ спятъ цари.
А надъ ними въ ясную погоду
Корабли весны идутъ какъ годы
Съ нихъ играетъ музыка зари.

Колоколь отбилъ часы разлуки.
Высоко въ горахъ сіяетъ осень.
Подойдетъ къ дверямъ, забудетъ муку,
И въ землей испачканную руку
Вложитъ розу золотой оруженосецъ.

Тихо скажетъ лѣто миновало.
Повернулся золоченый шаръ.
Посмотри какъ все возликовало!
Лишь цари прочли въ закатѣ аломъ,
Что вернулась къ намъ Твоя душа.

У С П Ъ Н І Е

Софіи Григорьевнѣ Сталинской.

Въ черномъ мірѣ, гдѣ души враждебны,
Гдѣ закаты погибнуть зовутъ,
Тихо яблони въ платѣ свадебномъ
Изъ предмѣстья въ полѣ идутъ.

Въ ярко желтое дымное море
Легче имъ на зарѣ отлетѣть,
Чѣмъ въ пыли отцвѣтатъ у дороги.
Ахъ, какъ дѣти хотятъ умереть.

Только рѣдко надъ ихъ ореоломъ
Раскрываются въ небѣ глаза,
И съ прекраснымъ журчаньемъ веселымъ
Прилетаетъ изъ рая гроза.

А на утро выходитъ пріѣзжій
Въ мокрый садъ погрузитъ въ гамакѣ.
Видитъ — яблоня въ бѣлыхъ созвѣздіяхъ
Умираетъ на мокромъ пескѣ.

И вступая въ тяжелое лѣто,
Сестры нѣжно завидуютъ ей,
Отошедшей въ закатъ средь разсвѣта
Въ блѣдно розовомъ дымѣ вѣтвѣй.

1930.

ЖАЛОСТЬ КЪ ЕВРОПѢ

Марку Слониму.

Европа, Европа какъ медленно въ траурѣ юномъ
Огромные флаги твои развѣваются въ воздухѣ лунномъ.
Безногіе люди смѣясь говорятъ про войну,
А въ паркѣ ученый готовитъ снарядъ на луну.

Высокія зданія яркіе флаги подняли
Удастся ли опытъ? На башнѣ мечтаютъ часы.
А въ морѣ закатномъ огромными лѣтними днями
Уходитъ корабль въ концѣ дымовой полосы.

А дождикъ осенній летитъ на асфальтъ лиловатый
Звенитъ синема, и подростокъ билетъ покупаетъ.
А въ небѣ дождливомъ таинственный геній крылатый
Въ верху небоскреба о будущемъ счастья мечтаетъ.

Европа, Европа сады твои полны народу.
Читаетъ газету Офелія въ бѣломъ такси.
А Гамлетъ въ трамваѣ мечтаетъ уйти на свободу
Упавъ подъ колеса съ улыбкою смертной тоски.

А солнце огромное клонится въ желтомъ туманѣ,
Далеко далеко въ предмѣстіяхъ газъ запылалъ.
Европа, Европа корабль утопалъ въ океанѣ,
А въ залѣ оркестръ молитву на трубахъ игралъ.

И всѣ вспоминали трамваи, деревья и осень.
И всѣ опускались грустя въ голубую пучину.
Вамъ страшно, скажите? Мнѣ страшно-ль? Не очень!
Вѣдь я европеецъ! смѣялся го фракъ мужчина.

Вѣдь я англичанинъ, мнѣ льды по газетамъ знакомы.
Привыкъ подчиняться, проигрывать съ гордымъ челомъ,
А въ Лондонѣ нѣжныя леди приходятъ къ знакомымъ.
И розы въ магазинахъ вянуть за толстымъ стекломъ.

А геній на башнѣ мечгаль про грядущіе годы.
Стеклянные синія зданія видѣлъ вдали,
Гдѣ ангелы люди носились на крыльяхъ свободы,
Грустить улетали на солнцѣ съ холодной земли.

Тамъ снова закаты сіяли надъ крышами башенъ,
Гдѣ пѣли влюбленные въ небо о вѣчной веснѣ.
И плакали—люди на утро отъ жалости страшной
Прошедшіе годы увидѣвъ случайно во снѣ.

Пустые бульвары, гдѣ дождикъ упавъ и уставши
Прилежъ подъ заборомъ въ холодной осенней истомѣ.
Гдѣ умерли мы для себя ничего не дождавшись
Больные рабочіе слишкомъ высокаго дома.

Подъ бѣлыми камнями въ желтомъ холодномъ разсвѣтѣ
Спокойны какъ годы, какъ тонущій герцогъ во фракѣ,
Какъ старый профессоръ летящей въ желѣзной ракетѣ
Къ убійственнымъ звѣздамъ и тихо поющій во мракѣ.

1930.

ДУХЪ МУЗЫКИ

Надъ баломъ музыки сіяли облака,
Горѣла зелень яркая у входа,
Тамъ жизнь была, а въ десяти шагахъ
Синѣла ночь и плыли въ вѣчность годы.
Мы танцевали нашу жизнь подъ шумъ
Огромныхъ трубъ, гдѣ рокотало время,
Смѣялся пьяный видя столько лунъ
Уснувшихъ въ розахъ и объятыхъ тлѣньемъ.
На зовы трубъ, надъ пропастью авгурной.
Съ крылами яркихъ флаговъ на плечахъ,
Прошли танцоры поступью бравурной,
Какъ блескъ ракетъ блуждающихъ въ ^{ногахъ} ~~ногахъ~~.
Они смѣялись, плакали, грустили,
Бросали розы къ отраженьямъ звѣздъ,
Таинственныя книги возносили,
Вдали смолкали перейдя за мостъ.
Все исчезало, гасло, обрывалось,
А музыка кричала „Хоръ впередъ“,
Ломала руки въ переулкѣ жалость
И музыку убить звала народъ.
Но ангелы играли безмятежно
Ихъ слушали: трава, цвѣты и дѣти,
Кружась танцоры цѣловались нѣжно
И просыпались на другой планетѣ.
Казалось имъ они цвѣли въ аду,
А далеко внизу былъ воздухъ синій.
Духъ музыки мечталъ въ ночномъ саду
Съ энигматической улыбкой соловьиной.
Тамъ балъ погасъ. Тамъ былъ разсвѣтъ, покой
Лишь тонкою желѣзною рукой
Наигрывала смерть за упокой
Вставало тихо солнце за рѣкой.

1930

ANGELIQUE

Солнце гладить прозрачные льды.
Спитъ лицо восходящей зимы.

Солнце грѣетъ пустые цвѣты,
Что растутъ за стѣной темноты.

Нѣжный міръ пребываетъ во льду.
Спитъ съ полярной звѣздою на лбу.

Но совсѣмъ на другой сторонѣ
Самъ себя видитъ отрокъ во снѣ

На китѣ, на плешивой лунѣ,
Дѣмъ любви видитъ призракъ въ стеклѣ.

Металлическихъ птицъ въ хрусталѣ.
Пароходъ на зеленой скалѣ.
Аполлона что спитъ въ землѣ.

Но поетъ граммофонъ подъ землей,
Дѣва ходитъ въ рѣкѣ ледяной,

И надъ крышами дворцовъ и дачъ
Пролетаетъ футбольный мячъ.

Этотъ міръ, фіолетовый блескъ.
Страшный ревъ отлетающихъ звѣздъ.

Дикій шикъ опереточныхъ дивъ.
Возвращающійся мотивъ.

И проходитъ процессія душъ
Подъ мечтательный уличный душъ,

И у каждой печаль и вопросъ,
Отрицательный адскій носъ.

А надъ ними на хорахъ въ тюрьмѣ,
Рядъ иной проплываетъ во тьмѣ.

Удивительныхъ спящихъ лицъ,
Не глядѣвшихъ, не павшихъ ницъ.

Но межъ ними волшебство и дождь,
Слой безумный, тамъ адова дочь,

Отвратительный прекрасный циркъ
Гдѣ танцовщицы и мертвецы.

1926—1930

ВЪ ОТДАЛЕНІИ

Было тихо въ мирѣ, было поздно.
Грязный ангелъ забывалъ свой голодъ.
И ложился спать подъ флагомъ звѣзднымъ
Постепенно покрывавшимъ городъ.

А надъ чернымъ вѣромъ курзала,
Гдѣ сгорѣлъ закатъ костеръ печали,
Тихо небо растворяло залы.
Ночь на башнѣ призраки встрѣчали.

Голоса ихъ были безмятежны.
Все что было спало передъ ними
На святой равнинѣ бѣлоснѣжной.
Все что будетъ плыло еле зримо.

На краю небесъ, на грани ночи
Просыпались звѣзды, снились очи.
Далеко внизу луна всходила.
И ночная птица тихо выла.

Съ башни пѣло время, гасла башня
И луна кралась въ одной рубашкѣ.
Грязный ангелъ спалъ въ лучахъ разсвѣта.
И къ нему съ небесъ плыла комета.

1928

З И М А

Абраму Минчину.

Розовый свѣтъ опускается къ бѣлой долинѣ,
Солнце встаетъ, занимается небо души.
Ангель танцуетъ въ лучахъ золотой мандолины,
Въ паркѣ замерзшихъ деревьевъ блестятъ камыши.

Утро зимы начинается заревомъ снѣга.
Падаетъ вѣчность безшумно на теплую руку,
Чистая вѣчность спускается къ тѣлу, какъ нѣжность,
И исчезаетъ припавъ къ воплощенному духу.

Мертвое солнце на розовомъ айсбергѣ дремлетъ,
Тихо играетъ въ темницѣ оркестръ заключенныхъ,
Черные души съ огнями спустились подъ землю.
Въ небо поднялись священныя тѣни влюбленныхъ.

Снѣгъ мірозданія падаетъ въ воздухъ черномъ.
Дѣва разсвѣта блуждаетъ среди экипажей;
Тихо за ней наклоняясь процессіей скорбной
Шевствуютъ сонные, желтые призраки газы.

Все засыпаетъ, на башняхъ молчатъ великаны.
Все измѣняется къ утреннимъ страннымъ часамъ,
Сѣрое небо блесымъ большимъ тараканомъ
Въ черное сердце вползаетъ нагимъ мертвецамъ.

1930

ВСПОМНИТЬ—ВОСКРЕСНУТЬ

Въ безъисходномъ кривомъ переулкѣ
Черный, страшный фургонъ проѣзжалъ,
На камняхъ ежедневной прогулки
Карликъ солнце раздавленъ лежалъ.

Мы спустились подъ землю по трапу,
Мы искали центральный огонь,
По огромному черному скату
Мы скользнули въ безмолвье и сонъ.

Въ безконечныхъ кривыхъ корридорахъ
Мы спускались все ниже и ниже
Чьихъ то странныхъ, ночныхъ разговоровъ
Отдаленное пѣніе слышимъ.

„Кто тамъ ходитъ?“ — „Погибшая память.“
— „Гдѣ любовь?“ — „Возвратилась къ царю“
Снѣгъ покрылъ точно алое знамя
Мертвецовъ отошедшихъ въ зарю.

Имъ не надо ни счастья, ни вѣры,
Имъ милѣй абсолютная ночь,
Кто достигъ ледяного барьера
Хочетъ только года превозмочь.

И свернувшись въ кровати, какъ дѣти
Великановъ ночныхъ обмануть,
Въ миръ зари отойти на разсвѣтъ,
Отошедшую память вернуть.

ОСТРОВЪ СМЕРТИ

Дниъ Григорьевнѣ Шрайбманъ.

Сонно алыя трубы пропѣли мою неудачу,
Мнѣ закрылись вѣка, покрывается снѣгомъ рѣка,
Я на островъ смерти лежу неподвижно и плачу.
И цвѣтутъ надо мной безмятежно огни облака.

Тамъ весна золотая и странное долгое лѣто,
И какія-то бѣлыя башни, гдѣ сонная музыка дышетъ.
Тихо къ нимъ подлетаетъ изъ темнаго неба комета,
Но играющій въ башнѣ священной не спитъ и не слышитъ.

Тамъ на большой высотѣ повторяется голосъ пропѣвшій.
Всѣ встрѣчаются снова смѣясь на большомъ разстояннѣ.
Точно зимнее солнце больное сквозь лѣсъ облетѣвшій
Въ отдаленіи видитъ покинутый сонъ мірозданія.

Я забылъ имена, я уснулъ посрединѣ дороги,
Молча желтую шляпу снялъ древній каштанъ надо мною,
Солице долго прощаясь стояло на синемъ порогѣ
И ушло, показавшись надъ холодомъ красной луною.

На травѣ излучается иней. Какъ въ будущемъ мірѣ,
Сквозь туманъ отдаленныя трубы поютъ на вокзалѣ.
Я давно Тебя видѣлъ уснувшей въ зеленомъ эфирѣ,
Было много народу и звѣзды горѣли въ курзалѣ.

Плылъ на розовомъ небѣ таинственный флагъ охлажденья,
Отдаленная музыка въ гладкое море вливалась,
Гдѣ-то въ воздухѣ чистомъ (казалось то плакалъ младенецъ):
Отдаленное пѣніе пустого трамвая рождалось.

Я тогда уже понялъ, что мало мнѣ вѣчности будетъ
Чтобъ обдумать, какой былъ надъ моремъ таинственный вечеръ,
Въ ожиданіи снѣга смѣялись и морщились люди,
И газетчикъ о смерти кричалъ у подъѣзда аптеки.

ДУХЪ ВОЗДУХА

Аннѣ Присмановой

Дѣва осень вышла изъ рая.
Небо сине до самага края.

Тихо въ вышнихъ моряхъ свѣтлоокихъ
Тонетъ бѣлый корабль одинокихъ.

Подъ березою въ желтомъ лѣсу
Спитъ прекрасный лѣсной Исусъ.

Кроткій заяцъ стоитъ надъ нимъ
Грѣетъ лапу о желтый нимбъ.

Дѣва осень ты хороша,
Какъ погибшая моя душа.

Ты тиха какъ разсвѣтная мгла
Въ которой она отъ земли ушла.

Боже Господи, какъ легко,
Какъ глубоко, какъ отъ земли далеко.

Въ темномъ домѣ она жила.
Никому не сдѣлала зла.

Много плакала, много спала.
Какъ хорошо что она умерла.

Если Бога и рая нѣтъ,
Будетъ сладко ей спать во тьмѣ.

Слаще чѣмъ ^{жить} лежатъ въ золотомъ раю
Куда я за ней никогда не прійду.

1927—1930.

LUMIÈRE ASTRALE

Тише. Тайно—въ этомъ мірѣ
Меркнетъ свѣтъ.
Дымъ ползетъ и мракъ ложится
Дышетъ снѣгъ.
Возникаетъ смѣхъ и гаснетъ
Смерть царей,
И поетъ красивъ и ясенъ
Грамофонъ.
Въ небѣ рветъ кроткій орликъ
Въ золотомъ венкѣ;
Спитъ съ иглой железной въ горлѣ
Жизнь въ мѣшкѣ,
А на солнцѣ тихо таетъ
Ледяной дворецъ,
Гдѣ о будущемъ мечтаетъ
Боль сердцецъ.
Духи ночи щурятъ очи
И молчатъ,
И блеснувъ огнями въ ночи
Дышетъ адъ.

1926—1930

МИСТИЧЕСКОЕ РОНДО III

Кошкамъ холодно. Онѣ зѣваютъ
Да. Да.
А надъ башней міра тихо пролетаютъ
Бабочки года.

Ангелы кирпичъ таскаютъ бѣлый
Строютъ домъ,
А другія спятъ въ лѣсу безъ дѣла
Золотомъ.

Дѣва осень ихъ околдовала
Синевою
Въ нѣжный дѣтскій лобъ поцѣловала
Подъ горой.

Кто тамъ ходитъ въ безднѣ напѣвая?
Спать пора,
Въ синевѣ песокъ переливаютъ
Два царя.

Царь дневной тщедушень хилъ и нѣженъ
Смотритъ онъ,
Какъ песокъ спадаетъ бѣлоснѣжный
На балконъ.

Ищетъ въ книгѣ онъ святыя звуки
Книга спитъ.
Бѣлые сложивъ страницы руки
На груди.

А ночной король на солнцѣ ходитъ
Съ мертвой головой,
Бабочекъ онъ тонкой сѣткой ловитъ
Голубой.

И тогда стекаетъ время жизни
Какъ вода,
Что несетъ Офелію къ отчизнѣ.
Навсегда.

М О Р Е Л Л А

Фонари отцвѣтали и ночь на роялѣ играла,
Привидѣнье разсвѣта уже появилось въ кустахъ.
Съ неподвижной улыбкой Ты молча зарю озирала,
И она отражаясь синѣла на сжатыхъ устахъ.

Утро маской медузы уже появлялось надъ міромъ,
Гдѣ со свѣтомъ боролись мечты соловьевъ въ камышѣ.
Твой таинственный взглядъ, провожая созвѣздіе Лиры,
Соколиный, спокойный, не видѣлъ меня на землѣ.

Ты, орлиною лапой, разорванный жемчугъ катала,
Ты какъ будто считала мои краткосрочные годы.
Почему я Тебя потерялъ? Ты какъ ночь мірозданьемъ играла,
Почему я упалъ и орла отпустилъ на свободу?

Ты, какъ черный орелъ, развѣвалась на желтыхъ закатахъ,
Ты, какъ гордый, нѣмой ^{орелъ} орелъ, осѣняла судьбу.
Ты вошла не спросясь и отдернула съ зеркала скатерть
И увидѣла нѣжную дѣвочку - вѣчность въ гробу.

Ты, какъ нѣжная вѣчность, расправила черныя перья,
Ты на желтыхъ закатахъ влюбилась въ сіянье отчизны.
О, Морелла, усни, какъ ужасны ^{орлиный} огромныя жизни,
Будь, какъ черныя дѣти, забудь свою родину—Пэри!

Ты, какъ маска медузы, на бѣлое время смотрѣла,
Соловьи догорали и фабрики выли вдали,
Только утренній поѣздъ пронесся, грустя, за предѣлы
Тамъ гдѣ мертвая вѣчность покинула чары земли.

О, Морелла, вернись, все когда-нибудь будетъ иначе,
Свѣтъ смѣется надъ нами, закрой снѣговые глаза.
Твой орленокъ страдаетъ, Морелла, онъ плачетъ, онъ плачетъ,
И какъ краска рѣсницъ, мірозданіе таетъ въ слезахъ.

М О Р Е Л Л А II

Тихо голосъ Мореллы замолкъ на иномъ берегу,
Какъ серебрянный соколъ луна пролетѣла на сѣверѣ,
Спало мертвое время въ открытомъ желѣзномъ гробу,
Тихо бабочки снѣга садились вокругъ на деревья.

Фиолетовый отблескъ все медлилъ надъ снѣжною степью,
Какъ небесная доблестъ, въ Твоихъ неподвижныхъ глазахъ
Тамъ, гдѣ солнце приковано страшною черною цѣпью,
Чтобъ ходило по кругу, и ангелъ стоитъ на часахъ.

Пойте доблестъ Мореллы, герои ушедшіе въ море,
Эта дѣвочка вѣчность расправила крылья орла.
Но мятели врывались и звѣзды носились въ соборѣ,
Звѣзды звали Мореллу, не зная, что Ты умерла.

Молча въ лунную бурю мы съ замка на море смотрѣли,
Снизу черныя волны шумѣли про доблестъ Твою.
Вѣтеръ рвался изъ жизни и лунныя выли свирѣли,
Ты, какъ черный штандартъ, развивалась на самомъ краю.

Ты, какъ жизнь возвращалась, какъ свѣтъ улетающій въ бездну
Ты вступила на воздухъ и тихо сквозь воздухъ ушла,
А навстрѣчу слетали огромныя снѣжныя звѣзды,
Окружали Тебя, цѣловали Тебя безъ числа.

Гдѣ Ты, свѣтлая, гдѣ? О, въ какомъ снѣговомъ одѣяніи
Насъ застанетъ съ Тобой Воскресенія мертвыхъ труба?
На дворѣ Рождество. Спитъ усталая жизнь надъ гаданьемъ,
И изъ зеркала въ міръ чернокрылая сходитъ судьба.

С Е Р А Ф И Т А I.

Электрическихъ скрипокъ взыванье рождалось во мракѣ,
На огромномъ экранѣ корабль опускался ко дну,
Дождь шумѣлъ на асфальтѣ. Трещала рулетка въ баракѣ.
На порогѣ свободы Ты вспоминаешь ли эту весну?

Ты глаза закрывала и въ страшную даль уходила,
Въ граммофонѣ Тангейзеръ напрасно о смерти кричалъ.
Ты была далеко, Ты быть можетъ на небо всходила,
Міръ сіялъ предъ Тобою какъ утренній снѣгъ и молчалъ.

Разрывались созвѣздя и въ розахъ рождались міры,
Но средь пѣнія жизни я палъ у невидимой двери.
О! Марія, тамъ въ безднѣ Ты имя мое помяни,
Я быть можетъ услышу, я можетъ быть вспомню тотъ берегъ.

Такъ былъ сонъ Твой глубокъ, что могла незамѣтно разбиться
Золотистая нить. И уже Ты казалось не дышешь.
Я изъ грохота жизни Тебя умолялъ опуститься.
Умолялъ и надѣялся можетъ быть Ты не услышишь.

Только голосъ родился. Ахъ, я не понялъ сначала,
Онъ въ такомъ утомленьи рождался, такъ долго летѣлъ,
Точно птица, что вѣчность крылами надъ моремъ качала.
Онъ себѣ удивлялся и самъ себя слушать хотѣлъ.

„Я съ Тобой навсегда. Я на небѣ Тебя не теряю.
Это темное имя я въ круги зари унесла
Засыпаю, теряюсь, слабѣю, лечу, умираю.
Ангель бѣлое имя со мною надъ хаосомъ зла“.

Только свѣтъ точно желтое лезвіе вышелъ изъ мрака
Представленье кончалось, дождливая гасла весна.
Быстро время проходитъ, но сердце не вѣдаетъ страха
Сердце слышитъ какъ молятся въ кругѣ зари имена.

СЕРАФИТА II

Ночь подвигалась впередъ. Все само отъ себя отличалось,
Все превращалось въ иномъ. Было время Тебѣ появиться.
Въ подземельи мы пѣли и дѣвушка въ карты играла,
Только я выходилъ и молчалъ и пытался молиться.

И къ вину возвращался. О, если бы Ты не пришла!
Мы со всею любовью, со щедростью, съ братской печалью,
Все же сдѣлали бъ то что хотѣли сіянія зла,
Потому что, никто ничего о разсвѣтѣ не знали.

Все казалось инымъ. Было время Тебѣ снизойти.
Было что то въ зарѣ, что уже не хотѣло проснуться.
Солнце въ безднѣ молилось, ему не хотѣлось взойти,
А заплакать, погаснуть и въ саванъ лучей завернуться.

А гитара кричала: Мы лучшего были достойны,
Но они отвернулись, они позабыли о насъ.
Только въ худшей судьбѣ, лишь во тмѣ и въ грязи непри-
[стойной,
Наша звѣздная участь безумной печалью слышна.

Пейге черныя звѣзды! Но вспыхнуло вдругъ мірозданье.
Ты вошла не спросясь. Даже руку поднять не успѣли.
Мы не ждали Тебя. Ты сквозь бездну пришла на свиданье
Глубоко подъ землей мы играли, мы ввали и пѣли.

И была Ты тиха, какъ разсвѣтъ надъ фабричнымъ кварталомъ,
Хороша точно пыльная вѣтка въ пустыхъ городахъ.
Ты у грязной стѣны прислонившись какъ пьяный стояла,
И въ глазахъ Твоихъ слезы сіяли какъ птицы въ лѣсахъ.

Ты смотрѣла на лица, на пепель, на сданныя карты
И молчала, готовая тысячу разъ умереть.
Мы изъ тьмы изступленья, въ смятеньи и въ дымѣ азарта.
Созерцали готовую тысячу разъ умереть.

И пѣтухъ закричалъ точно ангелъ надъ міромъ позора
Ты простерла ладони и тихо сказала что — „Скоро“.

СТОИЦИЗМЪ

Въ теплый часъ надъ потемнѣвшимъ міромъ,
Желтоносый мѣсяць родился,
И тотчасъ же выстиранный съ мыломъ,
Вдругъ почувствовалъ осень садъ.

Цѣлый день жара трубила съ башни,
Былъ предсмертный сонъ въ глазахъ людей.
Только поздно улыбнулся влажно
Темноалый вечеръ чародѣй.

Подъ зеленымъ сумракомъ каштановъ,
Высыхалъ гранитъ темнолиловый.
Хохотали дѣти у фонтана,
Рисовали мѣломъ городъ новый.

Утромъ птицы мылись въ акверукъ,
Спалъ на голыхъ доскахъ императоръ.
И уже средь мрамора и скуки
Адъ дышалъ полуденный съ Эфрата.

А надъ замкомъ подъ смертельнымъ небомъ,
Распростерши золотыя крылья,
Улыбалась мертвая побѣда
И солдатъ дремалъ подъ слоемъ пыли.

Было душно. Въ неуютной банѣ;
Воровали вещи, нищихъ брили.
Шевеля медлительно губами
Мы въ водѣ о сферахъ говорили.

И о томъ, какъ отшумѣвъ прекрасно
Міръ сгорить, о томъ что въ Римѣ вечеръ,
И о чудной гибели напрасной
Мудрецовъ дѣтей широкоплечихъ.

Надсмѣхались мокрые атлеты,
Разгоралась желтая луна
Но Христось склонившійся надъ Летою
Въ отдаленнѣи страшномъ слушалъ насъ.

Въ морѣ ночи распускались звѣзды,
И цвѣты спасались отъ жары,
Но уже проснувшись шли надъ бездною
Въ Вифлеемъ индусскіе цари.

И слуга у спящего Пилата
Воду тихо въ чашу наливальъ,
Центуріонъ дежурный чистилъ латы
И Іосифъ хмуро крестъ стругальъ.

1930.

Цѣлый день въ холодномъ, грязномъ саванѣ
Спалъ мечтатель позабывъ о мѣрѣ,
Утромъ было состязанье въ плаваньи
Трубачи играли на буксирѣ.

Потные гребцы кричали съ лодокъ,
Шумно люди хлопали съ мостовъ,
И въ порывѣ вѣтра на свободу
Флаги рвались съ оконъ и шестовъ.

Вѣтеръ въ воду уносилъ журналы,
Въ синеу съ бульвара пыль летѣла.
И воздушный шарикъ у вокзала
Вился ^{вилься} въ вѣткахъ липы облетѣлой.

Всѣ, что лѣтомъ прочь не уѣзжали,
Желтый листъ возили на бульварѣ,
И на небѣ щурясь разбирали
Объявленье на воздушномъ шарѣ,

Всѣ они бодрились, улыбались
И грустить другъ другу не давали,
Будто никогда не ошибались,
Будто ничего не ожидали.

И уставъ отъ пестроты и лѣни
Возвратились по домамъ безъ ногъ,
Въ часъ, когда въ больномъ оцѣпѣненьи
Всталъ мечтатель и раскрылъ окно.

Міръ былъ темень, холодень, прозрачень
Исподволь давно къ зимѣ готовъ.
Близокъ къ тѣмъ, кто одинокъ и мрачень,
Прямъ, суровъ и пробужденъ отъ сновъ.

Думалъ онъ: Смирйся, будь суровымъ,
Всѣ несчастны, всѣ молчатъ, всѣ ждутъ,
Всѣ смѣясь работаютъ и снова
Дремлютъ книгу уронивъ на грудь.

Скоро будутъ ночи безконечны,
Низко лампы склонятся къ столу.
На крутой скамьѣ библиотечной
Будетъ нищій прятаться въ углу.

Станетъ ясно, что шутя, скрывая
Все жъ умѣемъ Богу боль прощать.
Жить Молиться двери закрывая.
Въ безднѣ книги черныя читать.

На пустыхъ бульварахъ замерзая
Говорить о правдѣ до разсвѣта,
Умирать живыхъ благословляя
И писать до смерти безъ отвѣта.

Георгію Адамовичу.

Солнце нисходить, еще такъ жарко,
Но въ воздухѣ осень и паркъ порѣдѣлъ.
Тамъ ярко горять лимонады въ хибаркѣ
И желтыя листьа газетъ на водѣ.

Еще мы такъ молоды. Дождь лилъ все лѣто,
Но лодки качались за мокрымъ стекломъ.
Трещали въ зеленомъ саду пистолеты,
Какъ быстро, какъ неожиданно лѣто прошло.

Такъ поздно въ стеклѣ синева отражалась,
И мѣсяцъ вставалъ надъ фабричной трубой.
Душа мірозданья—Надежда на жалость,—
Быть можетъ мы лѣтомъ простились съ Тобой.

Такъ тишѣ и чище. Молчитъ въ амбразурѣ
Высокой тюрьмы арестантъ на закатѣ,
И въ яркомъ сіяньи осеней лазури
Свиститъ паровозъ на кривой эстокадѣ.

Вагоны качаясь уходятъ на западъ.
Съ бульвара доносится шумъ карусели.
Онъ смотритъ въ сіяньи; не хочется плакать.
Какъ пыльно и кротко отъѣздовъ веселье.

Надъ башней проносятся позднія птицы.
Какъ быстро о солнцѣ листва забываетъ.
Рука открываетъ святыя страницы.
Глаза закрываются. Боль убываетъ.

1930

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Орлы	3
Превращеніе въ камень	4
Какъ холодны общественныя воды	5
Отвращеніе	6
Въ вѣнкѣ изъ воска	7
Неподвижность	8
Волшебный фонарь	9
Двоецарствіе	10
Покушеніе съ негодными средствами	11
Въ борьбѣ со снѣгомъ	12
Армейскіе стансы	13
Дождь	14
Ангелы ада	15
Сентиментальная демонологія	16
Борьба " со сномъ "	17
Подражаніе Жуковскому	18
Весна въ аду	19
Донъ Кихоть	20
Отрицательный полюсь молчить и сіяеть	21
Астральный міръ	22
Resage d'enfer	23
Звѣздный адъ	24
Артуру Рембо	25
Черная " Мадонна "	26
Diabolique	27
Послѣдній парадъ	28
На зарѣ "	29
Жалость	30
Розовый часъ проплывалъ надъ свѣтающимъ міромъ	31
Dolorosa	32
Роза смерти	33
Восхитительный вечеръ былъ полонъ улыбокъ и звуковъ	34
Лунный Дирижабль	35
Рукопись найденная въ бутылкѣ	36
.	37
.	38
.	39
.	40
.	41
.	42
.	43
.	44
.	45

Гамлетъ	46
Флаги	47
Мистическое рондо I	48
Римское утро	49
Мистическое рондо II	50
Богиня жизни	51
”	52
Смерть дѣтей	53
Дѣтство Гамлета	54
Дѣвочка возвратилась ангель запѣль на угадь	55
Черный заяць	56
”	57
Hommage à Pablo Picasso	58
”	59
Мальчикъ и ангель	60
Въ духовъ день	61
Подъ землю	62
Звѣздный ядь	63
Саломея I	64
”	65
Саломея II	66
”	67
Розы Грааля	68
Успѣніе	69
Жалость къ Европѣ	70
”	71
Духъ музыки	72
Angelique	73
”	74
Въ отдаленіи	75
Зима	76
Вспомнить—воскреснуть	77
Островъ смерти	78
Духъ воздуха	79
Lumiere Astrale	80
Мистическое рондо III	81
Морелла I	82
Морелла II	83
Серафита I	84
Серафита II	85
Стоицизмъ	86
”	87
Цѣлый день въ холодномъ, грязномъ саванѣ	88
Міръ былъ темень, холодень, прозрачень	89
Солнце нисходитъ, еще такъ жарко	90

Boris Poplavsky

72, Quai des Orfèvres

Paris I^e